

Вилы

Автор:

Алексей Иванов

Вилы

Алексей Викторович Иванов

«Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный», – написал Пушкин в «Капитанской дочке»... и убрал из романа главу с этими словами. Слова прекрасные, но неверные. Русский бунт вовсе не бессмысленный. Далеко не всегда беспощадный. И увидеть его – впечатление жестокое, но для разума и души очистительное.

Бунт Емельяна Пугачёва сотрясал Российскую империю в 1773–1775 годах. Для России это было время абсолютизма и мирового лидерства. Но как Эпоха Просвещения породила ордынские требования восставших? В пугачёвщине всё очень сложно. Она имела весьма причудливые причины и была неоднородна до фантастичности. Книга Алексея Иванова «Вилы» – поиск ответа на вопрос «что такое пугачёвщина?».

Этот вопрос можно сформулировать иначе: «а какова Россия изнутри?». Автор предлагает свою методику ответа: «наложить историю на территорию». Пройти сейчас, в XXI веке, старинными дорогами великого бунта и попробовать понять, кто мы такие на этой земле.

Алексей Иванов

Вилы

© Иванов А. В.

* * *

Пролог. История и территория

На излёте блистательного XVIII века чудовищный народный бунт, возглавленный казаком Емельяном Пугачёвым, словно бы поднял Россию на вилы, но до сих пор никто не знает, что же такое пугачёвщина.

В городе Оса, в старом парке на берегу реки Камы стоит странный памятник великому мятежу: каменный обелиск с часами, у которых одна стрелка указывает XX век, а другая – XVIII. Что он символизирует? Непонятно. И с пугачёвщиной до сих пор слишком много непонятого. Вернее, России многое непонятно с самой собою, а потому уже – и с пугачёвщиной.

Вроде бы, события бунта известны, версий о причинах – множество, но в том-то и беда: ни одно толкование не объясняет всего. Какие-то важные особенности этого восстания обязательно противоречат стройной концепции историка.

В XVIII веке российская власть расценила пугачёвщину как «воровство», то есть криминал. Дело это было признано позорным, а потому – предано забвению.

С подачи Пушкина к бунту отнеслись внимательнее. Стало ясно, что народ схватился за вилы не из корысти. XIX век счёл пугачёвщину войной черни против знати.

XX век пересмотрел такой вывод, хотя и упростил ситуацию в угоду вульгарному марксизму. Для советских историков пугачёвщина стала крестьянской войной, то есть борьбой эксплуатируемых с эксплуататорами. Победил классовый подход.

Но так и не появилось уверенности, что исследователи добрались до сути. Пугачёвщина лишена романтики, тут не бросают красавицу «в набежавшую

волну». Но в пугачёвщине есть особая, страшная ирреальность. Ощущения от неё Пушкин передал в образе дьявольского бурана. Что это за «внутреннее пространство» пугачёвщины, непонимание которого так будоражит до сих пор?

XXI век потащил в интернет-форумы скороспелые доктрины, в которых глобализм причудливо сливается с конспирологией. Дескать, пугачёвщина – одна из фаз вечной борьбы Леса и Степи, Европы и Азии, колоний и метрополии... Ну, да. И что из этого? Можно свести пугачёвщину к любому историческому тренду, но не находится тренд, из которого обязательно выводилась бы пугачёвщина.

Где искать прошедшее время? Только там, где оно прошло.

Ещё не опробованный ключ к амбарному замку пугачёвщины – пространство. Что поймёшь, если пройдёшь по всем дорогам бунта? Если совместишь историю и территорию? Окажется, что пугачёвщина – борьба за идентичность.

Пугачёв придумал объявить себя царём. С этой идеей он двинулся по России. А Россия – комплекс разных идентичностей, как Европа – комплекс разных стран. И каждая российская идентичность на идею самозванца отреагировала по-своему.

Что такое идентичность? Это не язык, не конфессия, не государственность, не география, даже не культура. Идентичность – это система ценностей.

Огромную Россию можно разделить на примерно-однородные зоны. На регионы. И для каждого найдётся свой способ наиболее эффективного освоения. Этот способ будет вырабатывать моральные нормы для того социума, который и практикует данный способ освоения региона.

Например, степь. В России степи – жаркое и плодородное поречье на южной границе. Наиболее эффективно осваивать эти территории могли хуторские и станичные хозяйства. Такой способ освоения сформировал социумы – казачьи войска. И у них казачья идентичность: тип жизнеустройства, характерный только для казаков.

Или другой пример: Урал. Горы, леса, реки, месторождения руд. Наиболее эффективно осваивать эту территорию могли горные заводы и рудники. Такой способ освоения сформировал социум – «горнозаводскую державу». И в ней

воцарилась рабочая идентичность: набор поведенческих стратегий, характерных для рабочих.

И так далее.

Империя подавляла эти идентичности, а пугачёвщина их активировала.

В казачьем мире Яика пугачёвщина стала корпоративной войной: яицкие казаки не хотели жить так, как оренбургские, потому и забунтовали. И Пугачёв в первом же манифесте обозначил, что? «яицким казакам надобно»: реки и моря, крест и бороду. Оренбургские казаки в том не нуждались.

В рабочем мире Урала пугачёвщина стала гражданской войной: крестьяне не хотели работать для заводов и пошли их жечь, а рабочие поднялись на защиту своих предприятий. Стравливая рабочих и крестьян, самозванец соблазнял пахарей «всякими вольностями» от заводской работы.

В Башкирии пугачёвщина стала национально-освободительной войной: башкиры требовали от русской власти соблюдения их родовых интересов. Пугачёв призывал башкир к тому, к чему они и сами стремились два века – вернуть себе древнюю традицию полукочевья: «бутте подобны степным зверям!».

В крестьянском мире Поволжья пугачёвщина стала криминальной войной: крестьяне грабили своих хозяев и мстили за притеснения. И злодей Емельян самым страшным своим манифестом направил мятежников «ловить, казнить и вешать» дворян – владельцев земных богатств.

Так что тайное «внутреннее пространство» пугачёвщины – это сама Россия, не осознанная собственными гражданами. А «наложить историю на территорию» – значит, «увидеть русский бунт».

Часть первая. «...Бородами и морями...». Казаки против казаков

Великая степь

В своём космическом вращении планета Земля словно шаркнула по эклиптике выпуклым боком – и протёрла на нём полосу Великих Степей Евразии. Ковыльные пространства соединили Карпаты и Алтай. Здесь горячие ветра гонят по солончакам клубки перекати-поля, а вдоль караванных дорог, словно остовы кораблей, лежат скелеты лошадей и верблюдов. Здесь весной долины полыхают алым опиумным маком, а летом реки делятся на белые и чёрные – которые в жару пересыхают до белой сухой корки или только до чёрной жирной грязи.

Историю Степи творили суровые кочевые народы. Две с лишним тысячи лет назад владыками равнин были сарматы. Они завоевали Евразию медными мечами. Их смуглые женщины сражались наравне с мужчинами и носили чешуйчатые костяные доспехи, наструганные из конских копыт, а чернокосые дочери не выходили замуж, пока не убьют первого врага. От сарматов в степи остались «усатые курганы» – рукотворные холмы с длинными каменными насыпями.

Потом тревожные глубины Востока извергли неисчислимые орды гуннов. Их вожди после смерти уезжали в курганы на колесницах, а жрецы пасли в небесах стада облачных баранов. Отбитые Китаем, гунны перекатились через вселенную, по пути истребили сарматов и уже на излёте разрушили Рим. Похоже, сарматы были арийцами, а гунны – тюрками. Но в Великой Степи жили они одинаково. Великая Степь всегда переделывает всех под себя. Это закон.

На восемь веков брюхо Евразии стянул тюркский пояс, причудливо расшитый узорами многих государств. Под прикрытием Кавказа от Каспия до Азова в камышах приморских низменностей стояли твердыни Хазарского каганата, выстроенные из сырцового кирпича. На высоких ярах вдоль Волги шумели каменные города богатой Волжской Булгарии. Опушку непроходимой сибирской тайги и степи Иртыша стерегли бревенчатые крепости Ишимского царства.

А потом по бескрайним просторам тюрков, наводя ужас, пошли монгольские тумены Чингисхана. Их кибитки прокатились от Каракорума до Киева. Земли от Тобола до Терека стали улусом хана Джучи, сына Чингиза. При внуках Чингиза улус Джучи отложился от империи монголов и превратился в Золотую Орду. Орда поглотила почти всю Древнюю Русь и даже не насытилась.

Но и Орда тоже оказалась не вечна. По её золоту ударил железный Тимур. Монгольский улус раскололся на татарские ханства, как льдина на куски. Линии разломов прошли по Великой Степи примерно там, где прежде были границы исчезнувших тюркских держав. Казанское ханство легло поверх Волжской Булгарии. Астраханское ханство покрыло земли Хазарского каганата. Сибирское ханство утвердилось на царстве ишимских татар. А кочевой Ногайской орде досталось Дикое Поле печенегов и половцев.

Степь – это образ жизни и тип личности. Это особое понимание пути во вселенной: вечное кочевье по всегда неизменному, всегда одному и тому же кругу бытия. Это странное сочетание несочетаемого – ограниченности и бесконечности

На татарские государства Волги зарился ханский Крым, а его подзуживала Турция. Крымские ханы Гирей потихоньку прибирали к рукам Астрахань и Казань. Но Иван Грозный беспощадно отрубил Бахчисараю руки и забрал Казань и Астрахань для Руси. А русские казаки разгромили татарские города на Иртыше и Яике.

От тридцативековой истории Великой Степи, как от пересохшего моря, остались только рифы могильных курганов. Их здесь называют «марами»: Высокий Мар, Двуглавый Мар, Семиглавый Мар...

Однажды некий яицкий казак, распарившись в жаркий полдень, присел на склон мара отдохнуть и перекусить. Над рыжими сыртами стоял зной, стрекотали кузнечики. Рассёдланный конь шумно рвал жухлую траву. Рядом с казаком из норки вылез суслик. Добродушный казак отломил кусочек хлеба и бросил соседке. Суслик схватил угощение и утащил к себе. Казак грыз горбушку, оглядывал горизонты. И тут суслик опять вылез из норки и вынес казаку древнюю монетку: заплатил за добро из своих сбережений. В тёмных недрах мара скрывалась сарматская сокровищница, до которой дотянулись ходы хозяйственного суслика.

Клады кажутся единственным, что Великая Степь сохранила от своего прошлого. Но пугачёвский бунт показал, что это не так. Золото курганов – не главное наследие Улуса Джучи и Золотой Орды. В мареве над марами дрожал призрак степного государства – но невидимый, как электронная программа.

Улус Пугачёва

Карл Маркс считал, что Пугачёв строил «христианскую казачью республику». В Германии это похоже на правду, а в Оренбуржье, на Урале и на Волге – нет.

«Христианская»? Башкиры и татары составляли половину бунтовщиков, но были мусульманами. Калмыки – буддисты. Черемисы и чувашаи – язычники.

«Казачья»? Пугачёв лишь один раз провёл настоящий казачий круг, который его же и не поддержал. Станичные избы, которые вводил Пугачёв, суть обычное самоуправление общины, что у казаков, что у крестьян, – только название казачье.

«Республика»? Пугачёв правил единолично, как ордынский хан.

Хан Пугачёв казнил дворян от Терека до Тобола, даровал свободу веры, отменял прежние законы и иерархии. Он кажется реинкарнацией Джучи, великого чингизида. Улус Джучи простирался от Тобола до Терека, и здесь тоже царила свобода веры, прежние порядки были порушены, а власть принадлежала конной военной элите – монголам. Не отдавая себе в том отчёта, мятежные казаки Яика возрождали новый улус Джучи – улус Пугачёва. Конечно, казаки не знали истории, просто Великая Степь могла породить лишь один тип государства: как у сарматов, гуннов или ордынцев. Улус Джучи.

Пугачёвщина – дичайшая архаика для России, то есть для державы, которая выходила в мировые лидеры. Главной валютой тогда было не золото, а железо. Уральские заводы завалили им Европу. Русская армия одолела всех противников от Стокгольма до Стамбула. Русские вельможи блистали во дворцах Парижа, Вены и Рима. Екатерина стала Великой, потому что Великим был Пётр, и теперь она дружески переписывалась с Вольтером, лучшим интеллектом эпохи. Откуда же тогда взялся монгольский откат пугачёвщины?

Откат – это когда есть импульс движения, а путь вперёд закрыт. Точнее, пути вперёд тогда просто не было, потому что некому было его указать. Путь вперёд указывает элита, которая формулирует смыслы и цели общества. Элиту

порождают не богатства и власть, а знания и способности. Пётр I провозгласил элитой России дворянство. Но после смерти Петра дворянство решило, что его дело – дворцовые перевороты.

Заводы Урала, модернизированные Петром, изготовили столько пушек, что все опасные враги России стали не опасны. А нации рождаются в борьбе. Когда не оказалось внешнего врага, пришлось найти внутреннего. И нация объявила своим врагом свою элиту – дворянство, которое не исполнило своей исторической задачи.

Пугачёв решил заменить дворян на казаков. Всех мятежников он верстал в казаки. Казачество он объявил идеалом России. Элитой. Монголами. Конечно, в XVIII веке улус был государством нежизнеспособным. Но ведь нужно иметь какой-то образ новой державы, когда ломаешь старую.

Бунт Пугачёва был борьбой за новую элиту, а не за свободу. Казаки были свободными. Свободными были башкиры и калмыки. И поначалу Пугачёв не думал о свободе для нации. Он давал свободу лишь тем крестьянам, которые вступали в его войско и становились казаками. Когда припекло, тогда Пугачёв и объявил свободными всех крестьян поголовно. Отмена неволи была не целью бунта, а средством борьбы мятежников со старой элитой – с дворянами.

Созревание элиты в России запоздало, потому что для дворянства не было стимула исполнять свою миссию. Дворянству и без миссии было комфортно: страна лидировала на мировых рынках, деньги текли рекой. Несовпадение целей элиты и нации – извечная драма России. В расцвете царствования Екатерины потребность нации в элите оказалась куда выше, чем потребность элиты в нации. И в этот зазор эволюций прорвался буран казачьей пугачёвщины – альтернативный проект России.

Чего не хватило дворянству в XVIII веке? Чести. Сословной спеси имелось в избытке, а вот чести не достало. Чести в понимании Петра: то есть гражданской ответственности за свою роль в обществе. «Береги честь смолоду», – согласился с нацией Пушкин. Его «История Пугачёва» стала историей страшной народной мести за утраченную честь элиты.

Пушкину ли не понимать проблему чести? В борьбе за свою честь он вышел на роковую дуэль с Дантесом. Тема чести стала последней в его судьбе и прозе. В

«Капитанской дочке» только честь спасает Петрушу Гринёва и от Пугачёва, и от Екатерины. «Капитанская дочка» – символ веры в спасительность чести. А «История Пугачёва» – урок. Урок о том, что страна превращается в улус Пугачёва, когда у неё хватает пушек, но не хватает Пушкиных.

Летописец бурана

Пушкин оглянулся на Пугачёва после бунта военного поселения в Старой Руссе. Пушкина потрясла ордынская свирепость и бунтовщиков, и усмирителей. «Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы», – написал он другу. И поехал из столицы в далёкий Оренбург искать тайну русской «дурной бесконечности».

Пушкин ехал по степям Заволжья солнечным сентябрём 1833 года. Он не видел бесовских оренбургских буранов, а само слово «буран», ещё не известное читающей России, услышал от ямщиков. И дивное слово отчеканилось в памяти. Буран стал символом пугачёвщины. Ради него в «Капитанской дочке» снега разбушевались летом: ведь Петруша Гринёв попал в буран за три-четыре месяца до штурма Белогорской крепости, а крепость бунтовщики взяли в октябре. Слово, пойманное в степи, Пушкин добросил до орбиты Земли – будто сам пушкинский тарантас превратился в аэрокосмический челнок «Буран».

Пушкин рассчитывал на гостеприимство оренбургского военного губернатора Василия Перовского, своего давнего друга. Крепость Оренбурга уже потеряла значение, её валы превратились в бульвары, но город был полон солдат и офицеров, словно его по-прежнему осаждали пугачёвцы. Так пограничная Россия оберегалась от тревожной Великой Степи.

18 сентября Пушкин обнялся с Перовским. Первая оренбургская ночь Пушкина прошла на даче Перовского, уставленной рыцарскими доспехами. Днём Пушкин ездил по городу и окрестностям.

Второй ночлег Пушкина был у Владимира Даля. Даль тогда только задумывал свой знаменитый словарь, а пока считал себя доктором. Да он и был врачом – «второй хирургической перчаткой» России. В Оренбург Далья пригласил Перовский. На поле Бородинской битвы Перовского посеколо картечью. Раненый,

в Москве он попал в плен к французам, и освободили его уже в Париже. Остаток жизни его мучили боли. Доктор Даль умел их снимать.

Пушкин провёл с Далем чудесный вечер. Пылкие оренбургские барышни дознались, что в их город приехал знаменитый поэт, и прибежали к дому доктора. Одна из девушек отважно забралась на дуб, чтобы заглянуть в квартиру Даля, где гость беседовал с хозяином, и оба хохотали. В эту встречу Пушкин не успел перейти с Далем на «ты». «Ты» Пушкин скажет Далю только перед смертью, которую примет на руках оренбургского друга-доктора. Доктор Даль услышит последний вздох поэта Пушкина. В этот день Даль пополнит свой толковый словарь новой статьёй о слове «бессмертие».

А Пушкин отправился из Оренбурга в Уральск. Великий поэт ехал дорогой великого бунта. Дорога бежала по ковыльным склонам холмов, вдоль крутых красноватых откосов Яика-Урала, через мосты над буераками. Скромные яицкие деревеньки оказывались бывшими крепостями. Никакой фортификации Пушкин в них не обнаружил, ведь со времён основания крепостей прошло уже восемьдесят лет.

Вечером тарантас Пушкина вкатился в Уральск – бывший казачий Яицкий городок. Наутро Пушкин обошёл немногие местные достопримечательности, сел в свой тарантас и уехал домой. Всё. Оренбургский вояж поэта занял три дня, если не считать дороги до Оренбурга и обратно. Однако этих трёх дней на осеннем Яике Пушкину хватило, чтобы потом написать два шедевра.

Казачьи бунты, всё остальное – это важно. Однако не менее важно, что по следам пугачёвщины на Яик приехал Пушкин. Это он великим словом завершил великое дело

«Капитанскую дочку» публика встретила прохладно. «Слава г-на Пушкина давно отзвучала, и сейчас его сочинения читают разве что где-нибудь в Саратове», – свысока изрёк критик того времени. А «Историю Пугачёва» ущемила цензура. Пушкина не допустили к главному документу бунта – к протоколам допросов самого Емельяна Ивановича.

Император Николай, прочитав рукопись «Истории Пугачёва», настоятельно попросил сменить название на «Историю пугачёвского бунта». «У разбойника не может быть истории», – холодно заметил император. Но история есть у всего – и у бунта, и у Пугачёва. Не всегда они тождественны друг другу. Хотя поначалу бунт и Пугачёв были вместе. И этот период Пушкин пояснил примером казаков Яика.

Сарацины для русских

Разгром Казани и Астрахани открыл русским лиходеям свободный путь по Волге в море Хвалынское. Его просторы бороздили богатые фелюги турков и персов с полосатыми парусами. Русским пиратам оставалось только кричать: «Сарынь на кичку!». Получилось, что Иван Грозный подарил казакам Каспий.

Однако требовалось надёжное убежище, чтобы «дуван дуванить». Дельту Волги могли обшарить царские стрельцы. И казаки приценились к далёкой дельте Яика, пока что недоступной для воевод. Там на протоках и старицах в камышах рычали тигры, хлопали крыльями фламинго, а среди лотосов плавали пеликаны.

Но в устье Яика стоял город Сарайчик: глинобитная столица Ногайской орды. Здесь мурзы держали на продажу полные зинданы рабов, на базарах торговались купцы из Багдада и Генуи, муэдзины кричали с минаретов, а дервиши кланялись святым могилам семи ханов Золотой Орды. Сарайчик надёжно запирали Яик с моря.

В то время с Каспия вверх по Яику, бурля, ходили густые косяки осетров и стерляди, белуги и севрюги. На протоках невольники строили загородки-учуги и развешивали на них рыболовные сети. От учугов город и получил своё название: Сарай-учуг, Сарайчик. «Сарай» – значит, дворец. Вторая твердыня улуса Джучи. А русские звали жителей Сарайчика сарачинами. Ногайцы Яика стали сарацинами Руси.

В 1580 году атаманы Нечай и Мещеряк атаковали Сарайчик с моря. Казачьи ватаги захватили город врасплох. Налётчики рушили мечети и жгли деревянные мосты через протоки, рубили сплеча всех подряд. Нечай и Мещеряк разнесли город так же свирепо и беспощадно, как почти за век до них это сделал

Тамерлан. Дым горящего Сарайчика поплыл по керамически синему небу Азии.

Казачьи сели в лёгкие лодки-чайки и угребли от Сарайчика вверх по Яику на триста вёрст. За жёлтым устьем реки Илек Яик разошёлся надвое, обтекая большой холмистый остров, покрытый дубравой. Остров казакам понравился. Они разбили здесь стан и начали строить городок: выкопали рвы, отсыпали валы и поставили частоколы. И остров, и городок казаки назвали Кош-Яиком.

Но в Сарайчике в резне уцелел ногайский хан Урус. Он собрал по развалинам своих разбежавшихся воинов и двинулся на Кош-Яик. Казаки бешено палили со стен из пищалей, а потом кинулись на сарачинов с пиками и саблями врукопашную. Ногайцы вновь бежали. Неукротимые казаки столкнули в Яик свои чайки и на вёслах догнали врагов. Отрубленные головы ногайцев раскатились по степи. Хан Урус опять еле спасся.

Оскорблённый, он покинул свой разрушенный город и увёл сарачинов на горькие реки Узени, где через два столетия начнётся и закончится путь Пугачёва. Руины Сарайчика затянуло травами. Теперь никто не мешал яицким казакам ходить на грабёж в Хвалынское море и привозить добычу в убежище Кош-Яика.

Кош-Яик стал вторым казачьим городком Руси. Первым был городок Раздоры, построенный на Дону, на острове Поречном, в 1571 году. И Яицкое казачье войско по старшинству следовало сразу за Войском Донским. Этот порядок во многом определит, почему же Пугачёв поднимать бунт с Дона явится на Яик. Донские казаки оказались русским заслоном от Европы, а яицкие казаки – от Азии. Донские казаки по духу тяготели к республике, а яицкие – к орде.

Но Москва не нуждалась в новой вольнице. И вскоре московские стрельцы согнали болотных черепах с развалин Сарайчика. Воеводы решили построить на месте ногайского города царскую крепость, чтобы отрезать наглый Кош-Яик от просторов Каспия. Казаки издали злорадно смотрели, как стрельцы копают землю и таскают камни. Затея была бессмысленной. Наконец и воеводы поняли, что крепость им не по плечу. Плюнув, стрельцы бросили лопаты, сели в струги и подняли паруса. Стрелецкое войско исчезло среди синих волн Хвалынского моря.

Яицкие казаки вырубали себе место под солнцем. Сарачинов они прогнали, а Руси не хватило сил дотянуться до Яика. В 1591 году гордый собою Кош-Яик

принял первых московских послов, которые смиренно попросили наглецов Яика пойти вместе с царскими полками в поход против хана Шамхала. Такая просьба означала то, что Яицкое войско признано государем: аминь!

«Орлы брадатые»

По правому берегу Яика до самой Волги вздуваются ковыльные увалы Общего Сырта, рассечённые глубокими, извилистыми оврагами. Здесь шныряли степные лисы-корсаки, а боровые ручьи, журча, текли сквозь бобровые плотины. Эта сторона реки называлась Самарской. Другая сторона называлась Бухарской. Здесь в степях, где ветер шелушил лишай солончаков, паслись стада диких ослов и диких лошадей, а в раскалённой лазури неба плавали коршуны.

Рыжие отмели, багровые обрывы... Яик не выглядит великой рекой, хотя по длине он третий в Европе. Казаки уважительно звали его Урал-Горынычем. По Самарской стороне Урал-Горыныча кочевали ногайцы, по Бухарской – казахи. Второму поколению яицких молодцев надоело жить на границе посреди реки. И гонцы Кош-Яика отправились за благословением на Камынин остров.

Мутный Яик высыпал в Хвалынское море целый архипелаг. На каменистом и пустом острове Камынь в скитах поселились старые «лыцари»: ушедшие от мира основатели яицкого войска. В XX веке Каспий обмелеет, легендарный Камынин остров превратится в холм и затеряется на болотистой и тростниковой равнине побережья.

Молодые казаки Кош-Яика желали одобрения «лыцарей» на перенос городка. В протоке у Камынина острова гонцы встретили рыбацкую лодчонку с древним «лыцарем». Старик выслушал гонцов и сказал: отселяйтесь к устью Чагана. Будут на том месте бунты, пожары и кровопролития, но в итоге «узрите покой».

Драгоценное разрешение казаки принесли на Кош-Яик и в 1613 году спалили старые частоколы, а новый Яицкий городок основали на Самарской стороне при впадении в Яик реки Чаган. Только первый пожар открыл казакам истину: подле острова Камынь гонцы встретили не «лыцаря», а митрополита Алексея, что почил в Москве ещё до Куликовской битвы. Мёртвый пророк, конечно, знал грядущее.

Казачья Яика дралась с казаками и сарачинами и ездила на службу к царю. Пасли скотину и поливали бахчи. Главным промыслом был рыбный, а его венцом стало январское багренье. Всё казачье войско расходилось по крещенскому льду Яика и сквозь проруби острогами таскало из омутов жирную снулую рыбу.

О зимнем багренье слышали даже в Зимнем дворце. В 1837 году губернатор Перовский привезёт на Яик цесаревича Александра, и наследник пожалеет, что летом нельзя посмотреть знаменитый промысел. В России наследники престола считались Верховными атаманами всех казачьих войск империи. Хитрецы Яика сообразят, как утешить атамана. Цесаревичу сколотят плот с «прорубью», и двужильный казак-водолаз под водой станет ловко насаживать на августейший багор заранее приготовленных рыбин. Цесаревич будет в восторге.

Безлюдная жаркая степь, цикады, обрывистые берега реки, покатый и заросший урёмой остров... пастораль и глухомань. Не верится, что четыре века назад здесь в сражениях ковалось русское казачество – формат национальной свободы

На багренье 1773 года яицкому войску собирался объявиться и самозванец Пугачёв. Он уже заготовил историю: ему, гонимому государю, «турский салтан» растолковал, что русский царь всегда найдёт помощь на Яике у тамошних казаков, у «орлов брадатых». Но это багренье Пугачёв просидит в казанском каземате.

Яицкие старики рассказывали смуглым казачатам, что на их Яике киевский богатырь Добрыня Никитич истребил свою врагиню ведьму Кайдаловну, а Сарайчик разорил богатырь Василий Казберыч. Что три яицких «Ивана-лицаря» – Шатало, Пужало и Клад – бились с Мамаем на поле Куликовом. Что колдунья Маринка Мнишек пряталась на Яике в глиняном городище и палила по московским воеводам из пушек и пистолетов, а её любовники затопили в Яике лодки с сокровищами. Что казак Харко в одиночку отогнал кочевников в степь и победил степного царя Чувака. Что казак Рыжечка под Полтавой на радость государю Петру проколол пикой бронированного шведского витязя, а потом с другом-калмычином на царский кошт цельный год без единой передышки кутил по кабакам всей империи.

Яицкое войско принимало в себя татар, башкир и калмыков и потихоньку меняло разрез глаз. Но далёкий Яик крепил свой русский дух тем, что вращал в русскую историю казачьими сказками. Хотя главное предание «орлов брадатых», мрачное пророчество острова Камынь, было ещё впереди.

Хива: казачий армагеддон

Яицкие казаки знали, когда грянет Судный день: когда русские возьмут Хиву, Иерусалим и Царьград и «обойдут свет кругом». Вот тогда и миру конец. Город Хива, столица оазиса Хорезм, – детонатор казачьего Апокалипсиса. Но почему?

Хивинцы не раз грабили русские караваны и рубились с казаками. С рынка Хивы у крепостных ворот Палван-Дарваза русские невольники навсегда уходили в жёлтые просторы Азии. Древняя Хива была врагом молодой России.

В 1713 году казанский губернатор Салтыков сообщил императору Петру, что некий туркмен открыл ему великую тайну Хорезма. Оазис питает река Амударья, которая течёт якобы из Арала в Каспий. А в водах Амударьи – золото, которое моют рабы хивинского хана. Хан не хотел, чтобы русские позарились на его золотиносную реку, и приказал в урочище Карагач засыпать Амударью песками и отсечь от Каспия.

Сухое русло Амударьи – это гигантская лощина Узбой. Миф об Узбое, по которому Амударья бежала из Аральского моря в Каспийское, был жив даже в XX веке, а в XVIII веке ему верили безоговорочно. И в 1717 году Пётр I отправил в поход на Хиву отряд князя Александра Бековича.

Бекович должен был разгромить Хиву, прокопать плотину в Карагаче и снова пустить Амударью по Узбою в Каспий. В Карагаче для охраны Амударьи Пётр приказал князю возвести крепость. Строить на Каспии корабли был командирован морской офицер Кожин. Новенький русский флот проплывёт по возвращённой в Узбой Амударье из Каспия в Арал, а из Арала по Сырдарье – в Индию. В пути, если найдётся свободное время, Кожин приведёт в русское подданство и Бухару.

Отряд покорителей Хивы отплыл из Астрахани морем к устью Яика, в город Гурьев. Там к Бековичу и Кожину присоединились три полка яицких казаков: они будут растягивать Россию от Яика до Цейлона.

В урочище Карагач казаки разбили 24-тысячное войско хивинского хана и победителями вступили в крепость Ичан-Кала, тысячелетнюю цитадель Хивы. А ночью хивинцы пробрались в Ичан-Калу по тайному ходу и повязали всех русских. На площади у древней мечети Джумы с пленных казаков живьем содрали кожу. Отрезанную голову Бековича хорезмшах с поздравлениями послал хану Бухары.

Для казаков Яика эта беда раздулась в катастрофу. Император Пётр давно уже боролся с казачьей вольницей. На Дону против империи в 1707 году поднял восстание атаман Кондратий Булавин. Империя давила этот бунт два года и всё же подчинила Дон своим интересам. Теперь пришла очередь Яика. Разгром Бековича в Хиве для Петра стал удобным поводом разгневаться на яицких казаков. Пётр объявил их никудышными вояками и беглыми холопами, которых надо вернуть хозяевам, и двинул на Яик регулярные войска.

На Яике вспыхнул мятеж: свой император оказался не добрее чужого хана. Яицкие казаки решили драться, а не сбегать на Амударью под защиту Хивы, как донские казаки Игнатия Некрасова сбежали на Кубань под защиту Стамбула. Мятеж затянулся на пять лет. Полив степи кровью, Яик и Петербург замирились на том, что империя оставляет Яику казачье сословие, но казачий круг отменяется. Отныне атамана и старшин назначает императорская Военная коллегия.

С эпохи средневековья Хива владела просторами, по которым пролегали караванные дороги Азии. А дитя простора – миф. И казачий Яик соперничал с Хивой в мифологическом измерении

В сознании казаков Яика мощь чужой Хивы прочно сцепилась с гнётом своего Петербурга. Хива – индикатор. Когда Российская империя сможет покорить Хиву, тогда она сможет отменить казачество на Яике. Потому грядущее падение Хивы для яицких казаков и стало Армагеддоном.

В 1839 году в поход на Хиву солдат и казаков повёл самонадеянный граф Перовский, друг Пушкина и оренбургский губернатор. Казаки считали, что этот подвиг нужен графу для титула «генералмуса», а «генералмусы» становятся императорами. Но подвига у Перовского не получилось. Он заморозил солдат в снегах у дикого плато Устюрт, а единственную атаку конных хивинцев отразил барабанщик, испугавший азиатов отчаянным треском «тревоги».

Но Хива не устоит перед Россией. Русские войска генерала Кауфмана возьмут её в 1873 году. Российская империя решительно запретит в Средней Азии рабство и урежет власть хивинского хана, однако хан всё же останется владыкой Хорезма.

Всё закончится в Гражданскую войну: Красная Армия разгромит и царства, и ханства. А заодно советская власть уничтожит и казачество. Для казаков Яика сбудется предсказание о падении Хивы и конце их света.

«Бедные родственники»

Яицкие казаки охраняли только нижнюю часть Яика, а Яик – очень длинный, и на всём протяжении он был границей между азиатской Россией и нероссийской Азией. В 1734 году началась долгая и кровавая Оренбургская экспедиция. Одной из многих её целей было возведение крепостей на верхнем Яике. К делу приступили с середины: в 1735 году на впадении в Яик реки Орь заложили крепость Оренбург. Эта крепость потом стала Орской.

Стройка нуждалась во всём, и в первую очередь – в хлебе. Его можно было привозить из тучных зауральских слобод на Верхояицкую пристань и сплавлять в Оренбург на судах вниз по Яику. Но дорогу из слобод на пристань следовало охранять от башкирского разбоя, и обозам требовался вооружённый конвой. Тракт из Зауралья на Яик тянулся вдоль реки Исеть и её притоков Течи и Миасса.

Недоверчивый Василий Татищев, начальник уральских заводов, превратил тракт в цепочку небольших крепостей – в Исетскую оборонительную линию. Она начиналась Шадринским острогом и заканчивалась Верхояицкой пристанью.

Крепости нового образца совсем не походили на старинные русские деревянные остроги. Это были окружённые рвами невысокие земляные сооружения со стенами-куртинами и бастионами. Иногда их облицовывали камнем или кирпичом, но чаще – плетнём или дёрном. Инженеры называли такие крепости ретраншементами, а солдаты говорили – «транжементы». Самым знаменитым ретраншементом в России стала Петропавловская крепость в Петербурге, а последним – непокорная Брестская крепость.

В селениях, сквозь которые прошёл Верхояицкий тракт, насыпали типовые «транжементы». Их валы покрыли дёрном, закрепив его деревянными спицами: через год дёрн прижился, и насыпи держали форму. На бастионах «транжементов» выстроились чугунные пушки. И кто-то должен был нести службу у батарей.

В службу на «траншементах» набрали народишко с миру по нитке. Эту разношёрстную ораву в 1736 году решительный Татищев объявил Исетским казачьим войском. Так бывалым казакам Яика явились «бедные родственники» Исети.

Исетское войско получилось невеликим. Иметь казачий круг ему не дозволили, а командовал войском старшина, тянувшийся во фронт перед любым офицером. Жалованье казакам дали грошовое: главной платой были земельные наделы. Исетские витязи остались довольны и этим. Они пахали и рыбачили, держали скотину, торговали с казаками и башкирами, на бесчисленных синих озёрах ловили перелётных птиц, развешивая по деревьям рыболовные сети.

Самой большой крепостью Исетской линии стала Челябинская, а попросту – Челяба. Её в 1736 году основал полковник Алексей Тевкелев, главный российский знаток «восточного вопроса». Вместе с несчастным князем Бековичем он ходил в поход на Хиву, но уцелел, потому что на полпути, на Каспии, его корабль штормом забросило в плен к персам. Тевкелев был идеологом Оренбургской экспедиции.

Тевкелев указал начальству два сосновых бора на берегу реки Миасс: Каштак и Челяби-карагай. Здесь сходились древние караванные дороги, что вели в Сибирь из Персии и Бухары. На этом перекрёстке русские воздвигли бревенчатый острог старого типа – единственное столь архаичное укрепление среди приземистых земляных «траншементов».

Иван Неплюев, последний командир Оренбургской экспедиции, наконец-то выстроил город Оренбург и в 1748 году учредил Оренбургское казачье войско. Он растолкал сонных исетских казаков и записал их в новое войско на правах автономии. Вскоре войсковую избу Челябины осенило знамя, а вместо старшины, штопавшего зипун, прибыли бравый атаман, усатые сотники, есаулы с пистолетами и хорунжие с пиками.

Челябинская крепость превратилась в центр обширной Исетской провинции, которая простиралась от Яика до Тобола. В Челябине возвели собор и ратушу, здесь сел воевода. В его провинции насчитали 55 тыщ жителей, подлежащих обложению налогами. По нынешним меркам это немного: численность скромного райцентра. Но в середине XVIII века во всей бескрайней России проживало только 12 миллионов человек: меньше, чем в одной лишь Москве начала XXI века.

Челябу усилили. Вокруг старого бревенчатого острога насыпали новый вал, срубили стены-городни с крытым боевым ходом и три высоких башни: первый ярус – проезжие ворота, второй ярус – пушки, на шатрах – двуглавые орлы. Подступы утыкали кольями и надолбами. Так на реке Миасс воцарилась самая мощная крепость южного Урала.

В пугачёвщину падение могучей Челябины станет главной военной победой мятежников. «Бедные родственники» не выстоят.

«Меньшие братья»

Река Уй впадает в Тобол, река Сакмара – в Яик, река Самара – в Волгу. На этих реках за десять лет яростных боёв с башкирами Оренбургская экспедиция выстроила сотню крепостей и редутов: гигантский узел из шести оборонительных линий с центром в Оренбурге. Службу на линиях несли казаки.

Оренбургский губернатор Иван Неплюев не стал верстать всякую голытьбу, как на Исети сделал Татищев. На линии Оренбурга Неплюев перевёл станичников Яика, Уфы, Самары, Волги, Дона. А вместе с ними – верных калмыков и татар. В 1748 году Неплюев добился учреждения Оренбургского казачьего войска. Это было первое полноценное казачье войско России, которое не зародилось само

собой, а было целенаправленно создано властью. А у казаков Яика появились не только «бедные родственники», но и «меньшие братья».

Яицкое войско сложилось до реформ патриарха Никона и сберегло отчужденную веру «лыцарей» острова Камынь: оно осталось раскольничьим. А вот Оренбургское войско сложилось уже «никонианским». Потому «меньших братьев» не заманит обещание Пугачёва наградить «бородами», то есть – разрешить старообрядчество.

Атаманом в новое войско назначили молодого самарского казака Василия Могутова. Тридцать лет он будет крепко держать казаков в своём кулаке. Во время осады Оренбурга он возьмёт под командование самый трудный участок обороны города – вал и бастионы от Орских ворот до Сакмарских. Подмётными письмами Пугачёв станет склонять Могутова к измене, однако атаман лишь расхохочется, читая эти грамотки: самозванец сулит ему кафтан и бороду, а Могутов уже и сам дворянин и помещик, он и сам кому хошь может подарить кафтан или выдрать бородёнку.

Для чего же потребовалось Оренбургское войско? Для усмирения непокорных башкир. Два века рассадником смуты за Волгой была Башкирия. Обратив башкир в крепостное состояние Россия не решилась: это означало проглотить бомбу. Башкиры бились за свои земли с калмыками. Не пускали к себе заводчиков. Не признавали административных границ, кочуя из губернии в губернию, – такое было запрещено. И ещё башкиры воевали с казаками. Это и определило их судьбу.

В 1731 году агент Коллегии иностранных дел Алексей Тевкелев привёл казахов в русское подданство. Никто казахов в Россию особенно-то не звал, да и сами они не рвались, но хитрый Тевкелев уговорил их, наобещав золотые горы. Он привёл бы в русское подданство даже чертей, лишь бы сделать карьеру. Присяга казахов окончательно загнала башкир в ловчую яму Российской империи. Башкиры восстали, и против них двинулась Оренбургская экспедиция.

Идеей экспедиции был прорыв в Среднюю Азию. За минаретами Хивы и Бухары российским императрицам мерещились сказочные города Индии и Китая с их шелками и пряностями, жемчугом и алмазами. Но пока башкиры и казахи нападали друг на друга, путь на восток был закрыт: торговые караваны гибли в схватках по обоим берегам Яика. Башкир надо было изолировать – и сразу ото всех.

Казанский губернатор Волынский, оберегая татар, построил Черемшанскую линию крепостей. Горный начальник Урала Татищев, оберегая заводы, построил Исетскую линию крепостей. Кирилов, первый командир Оренбургской экспедиции, оберегая калмыков, построил Самарскую крепостную линию. А Иван Неплюев, последний командир Оренбургской экспедиции, завершил грандиозную блокаду Башкирии, утыкав крепостями Яик и Тобол с их притоками.

Защитить затеи империи от неуправляемых башкир солдаты не могли. Это могли сделать только казаки. Солдаты – пешие, а казаки, как и башкиры, – конные. Солдаты – подневольные, казаки и башкиры – свободные. Солдаты на казённом коште, казаки и башкиры – на своём. Однако при явном сходстве казаков и башкир главным их отличием было то, что все свои выгоды казаки имели от покорности престолу, а башкиры – от непокорности.

Во времена Пугачёва на Яике жило около 14 тысяч казаков – исетских, оренбургских и яицких. Казаки были антиподами башкир. Но Пугачёв сумел объединить их в общее дело бунта.

Первый гром

Казачьи общины появились на Руси как форма отторжения людей от государства. В Оренбурге Российская империя начала творить чудеса: создавать новых казаков уже себе в поддержку. На Яике подчинение казаков казённому уставу называли «регулярством». «Регулярство» отменяло многие вольности и тем самым консервировало сложившееся положение дел: богатые богатели дальше, а голь продолжала нищать, потому что повинностей с неё не снимали. Но власть не могла потерпеть своеволия среди тех, кому поручила охранять свой интерес.

Старое казачество Яика империя поставила перед выбором: либо принять казённый оренбургский образец, либо сгнуться в борьбе за былые права. Яицкие казаки долго костерили «регулярщиков», но богатые старшины и не почесались, чтобы защитить свою голытьбу. И тогда в 1770 году яицкие казаки отказались идти на Терек, куда их посылала власть. Началась казачья забастовка.

В Яицкий городок, распутив нагайки, прискакала следственная комиссия. Пока она судила и рядила, с Общего Сырта в Джунгарию потекла орда калмыков, бегущих из России. Комиссия приказала казакам Яика лететь в погоню за калмыками, а казаки залезли на печи. Комиссия схватила зачинщиков за бороды и поволокла в оренбургскую тюрьму. Терпение казаков лопнуло.

В степях замертво остывал январь 1772 года. В иорданиях реки Чаган горел пунцовый закат. Над частоколами и кровлями Яицкого городка заколотился набат. Забастовка переросла в усобицу между двумя казачьими войсками. Через полтора года Пугачёв переформатирует эту усобицу в бунт против всей державы.

В 1999 году в оренбуржье на исторических ландшафтах сняли фильм «Русский бунт» – экранизацию «Капитанской дочери». Почему-то события пугачёвщины всегда хочется переиграть там, где они и происходили: вдруг на реальном месте прояснится то, что ускользает от понимания?

Генерал Траубенберг крикнул выкатывать пушки на площадь. Разжиревшего атамана Тамбовцева верные старшины с натугой подсаживали в седло. Но к плацу войсковой канцелярии по улочкам Яицкого городка неслись не лапотники с палками, а бывалые рубаки с клинками наголо и на конях. Грянул залп. Сквозь казачью лавину просвистели ядра. Но казаки насыпались на врагов, рассекая саблями ненавистные мундиры. Пуля сбила Траубенберга с крыльца канцелярии. Атамана Тамбовцева мятежники пиками вынули из седла и сунули в петлю на воротах. Артиллеристов покололи, старшин затоптали конями.

«Регулярство» на Яике было свергнуто. Наладить новые-старые отношения с властью в Петербург поехало посольство казака Максима Шигаева. А в столице вместо Зимнего дворца послы угодили в Петропавловскую крепость.

Максим Шигаев был добрым человеком. В Яицком городке он спас офицера, и потому через полгода его выпустят из каземата Петропавловки. Однако домой он вернётся всё равно мятежником, потому что личная удача для него не оправдывает общую несправедливость. Жалостливый Шигаев и потом будет заступаться перед Пугачёвым за правых и виноватых, но в итоге всё равно повиснет в петле над плахой, залитой кровью четвертованного Емельяна.

Зиму и весну Оренбург и Яицкий городок готовились к схватке. Из Москвы пришёл карательный корпус генерала Фердинанда Фреймана. Переждав паводок, в середине мая Фрейман двинулся из Оренбурга вниз по Яику. Оренбургские казаки сошлись в бою с яицкими братьями на степной речке Ембулатовке. Три тысячи всадников замесили Ембулатовку в кашу из воды, земли и крови. Ласточки в небе сходили с ума в клубах дыма от артиллерийских залпов. Знамя мятежников упало в свежую траву. Его подобрал, сорвал с древка и спрятал за пазуху казак Иван Зарубин. Через год он отдаст спасённое знамя Пугачёву, который заявится на Яик, услышав гром канонады над речкой Ембулатовкой.

Под барабанный бой корпус генерала Фреймана вошёл в угрюмо затихший Яицкий городок. Бунтовщиков скрутили и отправили в Оренбург. Тамошняя тюрьма не вместила всех, и арестантов посадили в кирпичную громаду Менового двора. Охрану, злорадствуя, несли оренбургские казаки. Суд заседал день и ночь. Зачинщиков бунта заколачивали в цепи и отправляли на каторгу в Сибирь. Остальным мятежникам экзекуторы полосовали спины кнутами.

Перед сенокосом битых бунтовщиков освободили. На Меновом дворе они рассаживались по телегам, чтобы ехать восвояси. «То ли ещё будет, – угрожающе бурчали они в отросшие раскольничьи бороды. – Ещё тряхнём вашей Москвою!» «Молчать, курвины дети!» – рыкали в ответ оренбургские казаки.

«Набеглый царь»

Комендантом Яицкого городка назначили подполковника Ивана Симонова, упряма и пьяницу. Яицкие казаки понимали, что их уклад попирает не Симонов. Настоящий враг – он в Оренбурге, где гнездо «регулярства». Но требуется скопить силы для атаки на Оренбург и смастерить таран для оренбургских ворот.

Осенью 1772 года по Яицкому городку прополз слух о царе Петре Фёдорыче. Якобы царица хотела сгубить своего мужа, да он утёк и долго скитался по миру, пока турецкий салтан не направил его на Яик. Здесь «набеглый царь» на время приютился в баньке у казака Дениса Пьянова. Дошлый казак раскусил гостя, когда подслушал, как тот в уединении читает заздравный канун наследнику

Павлу Петровичу и называет царевича своим ненаглядным любезным чадом. Уходя, таинственный странник обещал, что вернётся на багренье в январе 1773 года. Но вернулся он только в августе. По форпостам Яика разнеслась весть, что где-то на Узенях или на Таловом умёте сидит воскресший император Пётр III.

Узени – странные пространства вокруг рек Узеней, Большого и Малого. Эти реки берут начало на склонах Общего Сырта, долго-долго бегут к Каспию, но так и не добегают, теряясь в Рын-песках, в солончаках и меж горьких озёр. Здесь ручьи вымывают кости древних носорогов и монеты забытых царств. Здесь громоздятся мары, поросшие травой, высохшей от жары, как бумага. На диких Узенях вокруг одинокой крепости Узень прятались раскольничьи скиты из саманного кирпича, становища разбойников и умёты – постоянные дворы. Узени укрывали многих беглецов. Где пропадали огромные реки, легко мог пропасть и маленький человек.

А на Таловый умёт съехались четыре казака. Двое из них – Максим Шигаев и Ванька Зарубин по прозвищу Чика – станут ближайшими сподвижниками «набеглого царя». На умёте они увидели бывшего гостя Дениса Пьянова: крепкий мужик со смоляной бородой, загорелой рожой и тёмным взглядом. Мужик, усмехаясь, сказал, что он – Пётр III.

Казаки не путали жеребца с мерином и сразу опознали в человеке ровню. Самозванец и не отпирался. Он – донец Емельян Пугачёв. Услышал про бунт на Яике и явился, чтоб занять товарищей и уйти с ними на Кубань, где живут вольные «игнат-казаки». А царём назвался – дак кто ж его иначе послушает? Яицкие казаки жили своим умом. Им неважно было, зачем этот Емельян принял имя царя. Зато самозванец станет тараном, который выбьет ворота Оренбурга. Если что, тем же самозванцем можно откупиться от возмездия за бунт. Дескать, чёрт попутал: поверили вору, что государь. Рожа, вроде, схожа. И четыре первых казака присягнули Пугачёву.

Но предателей хватало. Подполковник Симонов вскоре узнал о самозванце, и на Таловый умёт поскакала воинская команда. Она опоздала. Казаки уже усадили Пугачёва на коня и по умётам двинулись к реке Чаган, собирая войско для бунта. Отряду зачинщиков встретился казак Скворкин, посланный «шпионничать», и его повесили. Так первой казнью бунта стала казнь своего брата-казака.

17 сентября 1773 года мятежники заняли Чаганский форпост. Форпост – это казачья деревня. Мятежники – полсотни казаков с восемью знамёнами, беглый

смутьян и мальчишка-писарь. Но с куриного переполоха в казачьей деревушке на Чагане начался замах топора, едва не срубившего древо Российской империи.

Таинственная река Большой Узень течёт скрытно, вровень с низкими берегами, мохнатыми от зелени. В этих степях – зазеркалье великой империи. Напоказ у державы – рабство и громкая слава, а здесь – свобода и глухая безвестность

Яицкий городок зашумел, предчувствуя новую беду. Пронёсся слух, что капитану Крылову доставили бунтовщицкий манифест. Казаки ждали, что офицер зачитает его всем и объяснит, что за черти мутят воду в Чагане. А капитан молча сложил лист в четвёртую долю и опустил в карман.

У драгунского капитана Андрея Крылова в Оренбурге оставалась семья – жена Мария и четырёхлетний сын Ваня. Они стойко переживут все тяготы осады, пока Андрей Прохорович будет защищать Яицкий городок. Через много лет Иван Андреевич Крылов станет великим русским баснописцем.

Но в самом начале бунта мелкое высокомерие капитана Крылова показало казакам общую нестерпимую несправедливость их положения. И казачья команда, высланная комендантом Симоновым против мятежников, на окраине Яицкого городка переметнулась к самозванцу. Вскоре за Чаган потянулись и другие перебежчики. Кое-кого из казаков товарищи уводили силой – тянули их коней за узду. 11 таких несогласных отказались присягать Пугачёву, и их тоже казнили.

Подполковник Симонов мог раздавить бунт в зародыше. Гарнизон Яицкого городка насчитывал 2000 человек при 22 пушках. Но Симонов приказал занять оборону. 19 сентября на штурм Яицкого «транжемент» от Чагана поскакало только пять сотен бунтовщиков с пиками. Конечно, их легко отбили пальбой. Однако в этой победе не было чести, потому что подполковник Симонов не решился выйти из крепости на бой в открытое поле. И в результате через полгода сто тысяч мятежников едва не обрушили устои всего государства.

Берег утопии

Мятежные казаки не отвлеклись на осаду «транжемента» Яицкого городка. Их целью был Оренбург. К вечеру они уже ускакали на двадцать вёрст вверх по Яику. На ночлег встали в урочище Белые Берега. Самозванца казаки везли как куклу, как жертву. Но Пугачёв пришёл на Яик не с пустой головой. Он принёс замысел: подцепить Россию с краю, с Яика, и перевернуть вверх дном. Сделать Россию не дворянской державой, а казачьей, где все равны, все свободны, все – казаки. Конечно, это полная утопия. Но зато понятно, чего надо.

Главная ценность казаков – равенство. В реальности, конечно, его никогда не было, но как ценность идея равенства определяла всю жизнь казачества. Делом казаков была воинская служба, и её все несли по очереди. В таком порядке жизни у казаков и воплощался принцип равенства. Но Яик оказался исключением. Здесь казаки, не желавшие служить, выплачивали жалованье за службу тем, кто служить желал, или тем, кто не мог откупиться от службы. Поэтому главной ценностью Яика было не равенство, а справедливость: каждому воздаётся по его вкладу. «Регулярство» не смотрело на вклад и нарушало справедливость. Ради восстановления справедливости казаки Яика поднялись на бунт 1772 года.

На грохот того бунта прибежал Пугачёв – и получилось, что для исполнения замысла казачьей державы он выбрал самое неподходящее казачество России: он, донской казак, думал о равенстве, а яицкие казаки думали о справедливости.

На Белых Берегах мятежники устроили казачий круг – первый после бунта 1772 года. Мятежники решали, что им делать дальше. Пугачёв объявил, что надо идти в поход на Москву. Ведь не ради Оренбурга Емельян поставил на кон всё и превратился в самозванца, обречённого на смертную казнь. В густой сентябрьской ночи столбами горели костры. По чёрной воде Яика разбегалась алая рябь. Казаки орали, били шапками о землю, хватались за сабли. Жёлтые степные лисицы в эту ночь не осмелились покинуть логовища. А казачьи кони равнодушно спали стоя. Казачий круг постановил: идём на Оренбург. Поход на Оренбург – это поход за справедливостью. А на Москву – за равенством.

«Поход на Москву» станет недостижимой мечтой Пугачёва. И она не сбудется трижды. На Белых Берегах Пугачёва в этот поход не пустили яицкие казаки. На Царёво-Кокшайской дороге ему не хватит войска, разбега. А в Саранске иссякнет вера в успех. На казачьем круге Белых Берегов Пугачёв проиграл первый бой и понял: он – никто. Заложник. Орудие. Яицкие лидеры – его хозяева. «Улица моя

тесна», – с горечью скажет потом Пугачёв.

И ещё на Белых Берегах он впервые воочию увидел, что его идея казачьего переустройства России не универсальна. Но не потому, что плохая, а потому, что Россия – разная. И каждая самостоятельная зона России будет прочитывать эту идею по-своему. Как ей понятно и выгодно. Так и случилось на Яике.

Если бы Емельян Пугачёв был глуп, он счёл бы яицких лидеров предателями – и потом их всех бы перерезал. Но Пугачёв был умён и понял, что ему нужна не поддержка яицких лидеров, а власть над ними. Под Оренбург Пугачёв пойдёт сражаться не за победу над «регулярством», а за победу над яицкими казаками. Он сам станет им Оренбургом.

Пугачёву повезло, что казачий круг выбрал атаманом Андрея Овчинникова. Андрей доверял не делу, а человеку: если Емельян объявил себя царём и этим подписал себе смертный приговор, значит, Емельян не предаст, и ему можно верить. Овчинников был всего на год старше Пугачёва, но оказался куда более цельным человеком. Спокойный и надёжный, жестокий и смелый, он был предан бунту, как волк – свободе. Его слово казаки ценили выше, чем слово Емельяна, а он до самого конца не отступится от Пугачёва. Судьба его помилует: яицкий казак Андрей Овчинников не увидит поражения и погибнет в последней битве.

А для казаков Яика ещё придёт пора, когда равенство станет для них важнее справедливости. Это будет время Табынской Богородицы. Пугачёв просто явился на столетие раньше срока.

Крестный дозор

После пугачёвщины государство приравняет казачьи чины к офицерским и откроет казачьим лидерам путь в дворянство. Тем самым власть обретёт контроль над казаками через казачью элиту. Разница между оренбургской очередью, то есть равенством, и яицким взаимозачётом, то есть справедливостью, окажется уже не важной. Разделение на войска потихоньку станет формальностью, исторической памятью: казачий мир Яика будет един.

Единство закрепит общая святыня – табынская икона Божьей Матери. А культ материнской любви, одинаковой для всех чад, был культом общинного равенства. Равенство и оренбургское «регулярство» победят казачью вольницу. Богородица Табынская не смотрела, как служат её дети: по найму или по порядку. Не смотрела, сколькими перстами они крестят лоб: двумя или тремя. Она тревожилась, чтобы все были живы. Судьба уберегла её в бунт, когда брат шёл на брата. Табынская крепость без боя сдалась пугачёвцам, а потом без боя вернулась под руку государыни.

Древняя икона была чудотворной уже давно. Однажды табынская крестьянка взяла в храм сына, а мальчишка пришёл с яблоком. Матушка шлёпнула сорванца по руке, чтобы убрал забаву. А когда служба закончилась, яблоко у мальчишки исчезло. «Всё-таки слопал в церкви, разбойник?» – сурово спросила матушка. «Не ел я! – поклялся мальчишка. – Тётенька себе попросила!» И указал на икону.

Подлинная её сила откроется в 1848 году. Беспощадные степи Азии то и дело облизывали русские границы смрадным языком эпидемий. На реке Белой большое пристанское село Стерлитамак будет вымирать от холеры. Изгонять дьявола призовут икону из Табынска. Дьявол сбежит от святого лика, и Стерлитамак исцелится.

Через пять лет холерой залихорадит Оренбург. Гибнущий город воззовет к табынской спасительнице. Икону принесут – и бесы отступятся от Оренбурга. Но чуду иконы найдётся и вполне рациональное объяснение. Городские власти Оренбурга стаскивали трупы умерших от холеры в огромный Караван-Сарай. Шедевр архитектора Александра Брюллова стал замком смерти. Но ненасытные интенданты Караван-Сарая тайком снимали с покойников одежду и продавали по дешёвке: тем самым разносили заразу по городу. Когда в Оренбург вошла Богородица Табынская, жулики побоялись грешить пред её образом, побоялись наживаться на мёртвых, и прекратили торговлю. Разбег заразы остановился.

Постепенно табынскую икону признают по всему Яику-Уралу, по всей огромной губернии. И сложится крестный ход через пограничные селения. Икона будет обходить Оренбургскую губернию по кругу, и этот крестный дозор будет длиться с весны до весны. Усталая Богородица разрешит себе отдыхать в своей церкви в Табынске только три недели в году.

По колеям пыльных степных трактов от форпоста к форпосту покатится карета – колёсный храм с пятью деревянными главками. В карете будет ехать икона:

огромная, тяжёлая, чёрная доска с едва мерцающим образом Богоматери. В эту повозку будут запрягать лишь тех лошадей, которые никогда не возили на себе всадника, – даже мальчишки в ночном не запрыгивали им на спины охлюпкой. Такие лошади умеют понимать желания чудесной иконы и сами выбирают, в какую деревню им свернуть и где остановиться.

Табынская Богородица, как мать, помогала всем – и казакам, и не казакам, и православным, и правоверным. Среди православных Табынскую Богородицу почитали и никониане, и раскольники, потому что образ её был дониконова письма. Казачья заступница объединяла всех.

Она будет в дороге пятьдесят лет, до самой Гражданской войны. Оставляя Оренбург большевикам, последний оренбургский атаман Александр Дутов увезёт казачью святыню в Сибирь. Оттуда разгромленные белоказаки через смертоносные льды хребта Боро-Хоро на руках вынесут икону в китайский город Кульджу.

В скромной русской церковке Кульджи Табынская Богородица будет утешать изгнанников ещё пятьдесят лет, до эпохи Культурной революции в Китае. А потом со смоляным дымом костра бесноватых хунвейбинов Божья Матерь Табынская тихо отступит в небо Поднебесной империи.

Воцарение в Илецке

Первой на пути бунта к Оренбургу стояла крепость Илецкий городок. Здесь, на левом, «бухарском» берегу Яика у впадения степного Илека жили казаки, переселённые в Оренбуржье из Малороссии. Они не получили от хозяев Яика рыбных промыслов и пахали поля. Поэтому их главные ценности были крестьянские – власть и собственность, а не казачьи – равенство и справедливость.

Четырьмя сотнями илецких казаков командовал атаман Лазарь Портнов. Увидев на горизонте тучу пыли от войска мятежников, он хотел спустить по Яику заготовленные плоты, чтобы они сшибли мост. Бунтовщики станут перебираться через Яик вплавь, и тогда их можно будет побить картечью. Но свои же товарищи не дали Портнову уничтожить переправу. Однако атаман Овчинников

всё равно не рискнул переходить реку по мосту и перевёл отряд на левый берег по отмелям былинного острова Кош-Яик. Сияя осенними рощами, остров лежал посреди Яика, словно грудa золота. Илецкий городок сдался без боя.

Яик не широк и не глубок, по нему не ходят корабли, и как в нём утонул Чапаев – совершенно непонятно. Но Яик – русский Нил: он дал жизнь окрестным пустыням, он установил ход времени, он прочертил границы между народами и государствами

Бунтовщики разграбили дом Портнова. Деньги, пистолеты и сабли забрали себе. Висевший в горнице портрет императрицы истыкали пиками и выбросили на двор. В сундуках нашли атаманское платье. Емельян скинул пропотевший зелёный бешмет и дырявые сапоги и обрядился во всё новое. Вот теперь, в богатой бараньей шапке, он выглядел как настоящий царь.

Портнов провёл ночь в погребе под замком. Утром его вывели на площадь, где ветерок с Яика покачивал петлю виселицы. Самозванец важно восседал на жеребце Портнова, в атаманском седле и в атаманской одежде. Илецкие казаки покорно стояли на коленях с иконами в руках – присягали босяку. Держа Портнова за локти, казаки сунули ему к усам медный крест: целуй самозванцу! Атаман, ругаясь, забился в руках изменников и харкнул под копыта своему коню. «На релю!» – приказал Пугачёв, указывая нагайкой на виселицу.

Емельян дерзко брал на себя грех казни атамана. Ему нужна была власть над казаками. Как её добиться? Бунт – это толпа. Она безымянна. Но все по имени запомнят того, кто отдаст приказ о казни. Власть над бунтом – это имя вожака. Присягой имя не укрепить: от неё казаки могут отречься, как уже отреклись от присяги Екатерине. И битвой имя не укрепить: с битвы могут убежать. А казнь назад не отыграешь. Кровью казней напитается плоть имени.

На Илеке Пугачёв одержал победу в личной борьбе за власть. Покорение крестьянского Илека потребовало демонстрации власти – крестьянской ценности. И сразу, как цепная реакция, началось «воцарение» Пугачёва. 83-летний илецкий казак Фёдор Дубовский при всём народе узнал в Пугачёве царя Петра Фёдоровича. Дубовский служил в столице и видел государя воочию. Казаки понимали: цари – они от бога, где бог – там чудо, и жители Илецка уже пересказывали друг другу чудо, случившееся с Петром Фёдоровичем. На мосту

через Яик заупрямилась пушка – то колесом в щель провалится, то повернёт не туда. Пётр Фёдорыч велел отрубить пушке уши и сечь её плетями, и пушка закричала, как лошадь.

В Илецке Пугачёв сформировал новый полк, и его атаманом стал молодой илецкий казак Иван Творогов. Через год на Узенях изменник Творогов погонится за Пугачёвым, чтобы связать и сдать властям: в душе Творогова крестьянская выгода победит казацье братство. Помилованный Екатериной, в ссылке в Пернове – эстонском городе Пярну – Творогов переживёт пугачёвщину на 45 лет.

Как царь, Пугачёв взял себе пажа – 11-летнего сына атамана Портнова. Этот мальчик пройдёт с Пугачёвым всеми дорогами бунта, а потом о брошенном сироте позаботится сама императрица. На попечении державы отрок вырастет и тоже будет служить казаком на Яике-Урале.

Илецкий богомаз Прохоров подобрал на атаманском дворе брошенный в грязь портрет Екатерины, почистил, заштопал и намалевал персону ожившего императора. В 1924 году этот портрет отыщется в запасниках Исторического музея. Реставраторы осторожно коснутся его щёточками – и над головой Емельяна из-под краски откроются очи Екатерины.

Жуткое супружество императрицы и самозванца в 1775 году наяву увидит в Петербурге Мартемьян Бородин, новый атаман Яицкого войска. Но за это свидетельство он расплатится жизнью.

Маленькие трагедии «транжементов»

Войско Пугачёва поднималось по Яику, словно косяк на нерест. И речными порогами стояли на Яике крепости-«транжементы». Они были небольшие, размером с футбольное поле. Квадратом шла куртина: невысокий земляной вал с оградой поверху. Внизу – ров. По углам выдвигались плечи бастионов, каждый бастион – с чугунной пушкой. Особые выступы куртин назывались редантами, дощатые площадки на бастионах – барбетами. Внутри крепости располагались казармы, цейхгаузы – склады оружия, пороховые погреба, храм и дом коменданта. Вроде бы – несерьёзное укрепление, но по степи не ходят пешком, а для всадников «транжемент» оказывался неприступным. Рядом с крепостями

размещались форштадты – казачьи посёлки. Гарнизоны «транжементов» состояли из местных казаков и сменных солдатских рот.

Двигаясь на Оренбург, маленькая армия Пугачёва подступилась к маленькой крепости Рассыпной, которую защищал маленький гарнизон майора Веловского.

Бунтовщики поскакали на приступ. Крепостица звонко отлаивалась из четырёх пушчонок. Солдаты из ружей бабахали поверх брёвен ограды. Майор Веловский с бастиона махал платком, командуя залпами. Бунтовщики с гиканьем и пальбой носились вокруг крепости на конях, как на каруселях. Но за спиной у солдат крепостные казаки ломали ограду. И на очередном обороте бунтовщики бросили коней в ров, разбрызгали осенние лужи, взлетели на взрытую куртину и ворвались в крепость. Пугачёв «взял на слом» Рассыпную.

Секунд-майор Иван Веловский и три офицера, отбиваясь штыками, отступили в избу. Распахнув окошки, офицеры отстреливались из пистолетов. Но казаки высадили шаткую дверь и вломились в горницу. Маленькую трагедию маленькой крепости высветил багрянцем огромный закат. Избитые и связанные офицеры видели, что их казаки-предатели уже на равных разъезжают среди бунтовщиков, а солдаты угрюмо стоят на плацу без шляп и париков, без ремней и ружей. Рядом – виселица. На коне бородатый самозванец, подбоченясь, ждёт присяги. Но человеку чести невозможно присягать самозванцу. Поп, атаман и офицеры вразнобой закачались над площадью в петлях, а солдаты покорно преклонили колени перед конём Емельяна Пугачёва.

История Рассыпной будет повторяться от крепости к крепости. Солдаты отбиваются, но казаки открывают бунтовщикам ворота. Крепость капитулирует, офицеров казнят. Маленькие трагедии Великой Степи.

В Рассыпной в плен к мятежникам попала жена майора Веловского Ирина. Она будет уговаривать солдат из бывшего гарнизона своего погибшего мужа бросить бунтовщиков и бежать в Оренбург. Но какой-то негодяй выдаст Ирину Веловскую, и потом, в Татищевой крепости, Пугачёв повесит жену офицера.

Нижнеозёрная крепость, ближайшая к Рассыпной, лежала на высоком мысу над Яиком. Она погибла так же, как Рассыпная. Комендант майор Захар Харлов с горсткой офицеров из орудия вёл огонь по мятежникам. Но Пугачёв только усмехнулся, глядя на эту жалкую оборону. Стоя на виду у канониров крепости,

он даже не пригнулся. «Разве на царей пушки льются?» – хмыкнул он товарищам.

Когда крепостные казаки открыли ворота, Харлов понял, что пропал, и начал скатывать бочонки с порохом с обрыва в Яик. Бунтовщики влетели на бастион. Один из них рубанул майора саблей. Харлов упал. Но он не успел умереть от потери крови: его на руках донесли до виселицы и сунули головой в петлю.

Историю майора Харлова и его молодой жены через 60 лет после бунта узнает Пушкин. Он выйдет из тарантаса и поднимется на заросшую травой куртину былой крепости. Над осенним Яиком, над Великой Степью будут плыть журавлиные клинья. Тени облаков будут тихо стекать по белёсым склонам прибрежных гор. Пушкин поймёт, что ни чертополох во рву, ни Российская империя уже не помнят об отваге и чести майора из дальней провинции, о тоске и ужасе его юной жены. И Пушкин им всем напомнит о маленьких трагедиях «транжементов». В «Капитанской дочке» он сделает захудалую Нижнеозёрную крепость Белогорской крепостью – главной крепостью русской литературы.

Татищева крепость

Оренбургский губернатор Рейнсдорп давал бал. «Народ, который поёт и пляшет, зла не думает», – некогда поучала государыня. И вдруг посреди менуэта грянуло известие, что яицкие казаки опять взбунтовались, присягнули самозванцу, взяли Илецкую крепость и летят к Оренбургу. Офицеры кинулись в казармы, дам в обмороках разносили по каретам.

Через день из Оренбурга вышел отряд барона Христиана Билова: 200 солдат и 150 казаков сотника Тимофея Подурова. Но решимость барона кончилась за десять вёрст до Нижнеозёрной крепости. Биллов послушал, как в осенней дали, в чистой тишине отчаянно грохочет пушка майора Харлова, и скомандовал ретираду в Татищеву крепость, самую надёжную в округе.

Эту крепость Оренбургская экспедиция заложила в 1736 году на впадении речки Камыш-Самарки в Яик. Здесь сходились три дороги: из Оренбурга, Самары и Яицкого городка. Татищев, командир экспедиции, приказал укрепить земляной «транжемент» бревенчатыми стенами и назвал крепость своим именем.

27 сентября 1774 года Татищеву крепость осадили мятежники Пугачёва. Из окон домов форштадта высунулись рыла бунтовских пушек. Гарнизон «транжемента» командовал старый полковник Григорий Елагин. Солдаты Елагина и Билова и казаки Подурова заняли места на валах и батареях.

Восемь часов по улочкам Татищевой крепости катался гром канонады. Ядра мятежников перелетали через куртину и звонко лупили в брёвна цейхгаузов. По лужам во рву поплыли свежие жёлтые щепки. «Транжемент» трясся от обстрела как от ужаса, но не сдавался. Пугачёв разделил своё войско пополам и приказал штурмовать Татищеву крепость с двух сторон.

В исцарапанную, старую подзорную трубу полковник Елагин увидел, что толпа мятежников, пригибаясь, бежит по правому берегу Камыш-Самарки. Елагин требовательно глянул на Билова. Барон отрицательно покачал головой: биться в чистом поле своих солдат из крепости я не поведу, пускай идут казаки Подурова.

Казаки Подурова выехали из крепости и угрюмо остановились посреди речки на виду у мятежников. «Против царя пошли, регулярщики?» – испытующе крикнули из толпы бунтовщиков. Речка бурлила вокруг конских ног, сносила хвосты лошадей. «Петру Фёдорычу предаёмся», – хмуро сказал Тимофей Подуров.

Пожилой оренбургский казак, он станет надёжным помощником Пугачёву. Умелым командованием он наведёт страх на гарнизон Оренбурга. Под горой Маяк он заманит в ловушку и сгубит симбирскую команду полковника Чернышёва. Однако через полгода князь Голицын разгромит бунтовщиков, и Подуров угодит в плен. А Пугачёв не вернётся отбивать сподвижника. Подуров проклянёт Пугачёва. Но зимой 1775 года их обоих казнят в Москве на одном эшафоте.

Офицеров потрясла измена Подурова. А Пугачёв ухмыльнулся и отдал приказ о штурме. Казаки двинулись на крепость, толкая перед собой возы с горящим сеном: прятались от картечи в густом белом дыму. Обозлённые солдаты палили из пушек и ружей. Но вечерний ветер перекинул огонь с возов через куртину, и в крепости запылали крыши цейхгаузов. Солдаты бросились тушить пожар, оголив оборону. На опустевшем реданте напрасно бил тревогу барабанщик. Мятежники рванулись к воротам, вышибли створки и вломились в крепость.

Врукопашную отбивались только офицеры. Полковника Елагина и бригадира Билова ранили. Немца-барона казаки не удостоили и казни – докололи на улочке, как бешеного пса. А Елагина и других офицеров вздёрнули на виселице. Жена старого полковника Анисья Семёновна с воем вырывала окровавленного мужа из рук бунтовщиков, и бабе тоже накинули на шею петлю.

Дряхлые яйцкие «лыцари» потом расскажут Пушкину, что мёртвого Елагина мятежники сняли с виселицы, освежевали, как борова, и его салом мазали свои раны. Пушкин поверит этой сказке: озверение – неизбежное следствие бунта. Но ужас смерти пугал и без страшилок. Дым разгромленной и сожжённой Татищевой крепости тонкой пряжей растянулся над остывающей степью.

Капитанская дочка

Пугачёв сражался при Татищевой крепости дважды: в начале побед и в начале поражений. Пушкин тоже дважды посетил Татищеву: по дороге в Оренбург и по дороге обратно. Дорога вдоль Яика словно убеждала и Пушкина, и Пугачёва: Татищева крепость – это очень важно. А что в ней важного? Важна судьба семьи полковника Елагина – простая и страшная. Такова вся жизнь человеческая, в которой страшнее всего делать очень простой выбор.

Псковский дворянин Григорий Елагин 37 лет оттрубил на службе, вышел в отставку, а денег не было. И он, полковник, согласился на майорскую должность коменданта крепости. В бунт ему стукнуло уже 56. За полгода до мятежа Елагин выдал 17-летнюю дочь Татьяну за 39-летнего майора Захара Харлова, коменданта соседней Нижнеозёрной крепости. Бравый майор Харлов вместе с молодой женой пригрел и её 11-летнего братишку Колю: растил генерала.

Сразу и не понять, какого цвета общий сырт. Бурого? Синего? Жёлтого? Зелёного? Общего. Эти холмистые степи – удивительное пространство жизни для всех: для русских и нерусских, для кочевников и земледельцев. И пушкинская история тоже общая

Когда бунт подкатил к Нижнеозёрной, Харлов отправил Танюшу и Колю к отцу: Татищева крепость показалась Харлову надёжнее. Но бунтовщики взяли оба «транжемента». 26 сентября в петле погиб муж Татьяны, а 27 сентября на её глазах казнили отца и мать. На руках Танюши Харловой остался маленький брат.

Пушкину рассказали, что Танюша была невысокого роста, круглолицая и миловидная. В захваченной Татищевой крепости её заметил Пугачёв – мужик с горячей кровью, сыгравший с жизнью в чёт-нечёт. Что на этом свете могло его попятить? Красивую офицерскую вдову Емельян прихватил с собой под Оренбург, а Танюша взяла и братика – с кем его оставишь в холодном, разорённом доме? Она была согласна на всё, даже на бесчестье, – ради братишки.

Через месяц Пугачёв перенёс лагерь бунтовщиков в Бёрдскую слободу. Бабу и мальчонку в телеге перевозили верные яицкие казаки. Но вдруг на полпути они остановили коней и велели офицерским детям сойти на дорогу. И потом с сёдел принялись палить по ним из пистолетов. Танюша и Коля повалились в грязь колеи.

Казакам лень было спешиваться, чтобы проверить, живы ли дворянчики. Покрутившись на конях вокруг упавших, казаки поскорей поскакали к Пугачёву – объявлять, что пленники сбёгли. А брат и сестра были только ранены. Но они боялись бунтовщиков и сползли с дороги, где их ещё могли бы подобрать добрые люди, спрятались за кустами, обнялись и насмерть вмёрзли в ледяную полночь степного ноября.

Потом Пугачёв узнал, что побега не было. Но сделанного не воротишь. Детей офицера замело порошей, однако ещё долго той зимой проезжие останавливались на знакомом повороте тракта и ходили смотреть на убитых. Мёртвая Танюша Харлова обнимала брата крепче, чем живая Таня обнимала казака Емельяна.

Эта история добила Пушкина – и вместо задуманной «Истории Пугачёва» из-под его пера полетела «Капитанская дочка». Старый полковник Григорий Мироныч Елагин подарил прекрасной пушкинской Маше, возлюбленной Петруши Гринёва, фамилию Миронова. А допросные листы Пугачёва донесли живую скорбь Емельяна по Тане: «убили её з братом за то, что я её любил. И я об ней сожалел». Пугачёв покаялся в своей вине за гибель полковницкой дочери, хотя мало ли у злодея-самозванца было грехов, чтобы сокрушаться ещё и об этом?

Казачи решили утешить Пугачёва и отправили к нему блудницу, которую взяли от гренадеров в обозе разгромленного генерала Кара. Пугачёв побаловался с девкой – и велел её повесить: потому что она «волочилась с конюхами и потом украла подсвешник серебряной».

Почему же казаки столь жестоко обошлись с Танюшей Харловой и Колей Елагиним? И почему безжалостный Емельян не отомстил убийцам? Да, мятежники вешали баб, даже беременных, но эти бабы, жёны убитых мужей, плевали в лицо самозванцу. А Танюша не плевала. Но её застрелили на грязной дороге. Всё потому, что у яицких казаков были свои планы на жену для казачьего императора.

Чувства Емельяна и офицерская вдова помешали планам казаков. И Танюшу принесли в жертву. А Емельян стерпел. Пока что яицкие казаки были его сильнее, и «улица» его оставалась «тесна». Чтобы победить казаков, ему надо будет потерпеть поражение от Оренбурга.

Оренбуржье: казачья Россия

От начала бунта прошло всего две недели, а бунтовщиков стало уже больше тысячи, у них было 20 пушек. Мятежники без боя прошли сквозь Чернореченский «транжемент», оставленный гарнизоном, и вышли к Оренбургу – главной крепости губернии, заполненной сбежавшими жителями посадов, войсками и артиллерией. Но Пугачёв сначала решил «зачистить» территорию вокруг города и прошёл по двум крупным селениям, что подпирали Оренбург плечами.

Слободу Каргалу в 1744 году основал губернатор Неплюев. Он поселил здесь торговых татар из-под Казани. Для Пугачёва татары на площади перед мечетью застелили осенние лужи коврами и распластались ниц, пока два знатных жителя под локотки бережно вели самозванца к царскому креслу. Так мусульмане встречают не батыра, имама или визиря, – так встречают падишаха, владыку улуса. «Жители встретили меня со всякою честью, яко царя, почему тут ни одного человека и не повесил», – скажет потом Пугачёв.

В Каргале к своим яицкому и илецкому полкам Пугачёв добавит татарский полк. Атаманом Каргалы станет ушлый местный купец Муса Улеев. Осадной зимой Пугачёв повадится шастать в слободу к радушному Мусе, у которого всегда будет хмельное на выбор: буйная татарская буза или весёлая русская кумышка.

После Каргалы Пугачёв двинулся в Сакмарский городок. Крепость близ впадения реки Сакмары в Яик яицкие казаки построили в 1720 году, ещё до Оренбургской экспедиции. Узнав о приближении Пугачёва, атаман городка сбежал в Оренбург. Сакмарцы звали его обратно, но он не вернулся. Бунтовщики выволокли из церкви попа и велели зачитать бумагу, что пришёл царь Пётр Фёдорыч. Поп отнекивался – дескать, помер же царь, но попу ответили: жив он, «погребён вить другой». Поп, тоскуя, зачитал манифест Пугачёва. Казаки Сакмарского городка присягнули Емельяну. А Пугачёв назначил им атаманом попа.

У бунтовщиков была вера в казачью правду, а Христос её соблюдёт или Магомет – не важно. Имамов и попов пугачёвцы бестрепетно верстали в казаки. Однажды в крепости Бузулук атаман отправил местных попов исполнять своё поручение, а попы зароптали, отказываясь. «Ково же мне послать? – изумился атаман. – Неуж снова казаков нарядить, за которыми и без того много дела? А вас при всякой церкви по два и по три. Куда вас, дьяволов, беречь?»

Сакмарский поп прослужил атаманом недолго, сакмарцы упросили Пугачёва назначить им атаманом что-нибудь более похожее на казака. И Пугачёв отрядил в Сакмарский городок своего нового любимца – древнего старика Дубовского, который в Илецком городке признал в нём царя.

Слобода Татарская Каргала была основана как русский Гонконг XVIII века – центр торговли с исламской Азией. Купцам России татарский язык стал так же необходим, как французский – вельможам

В 1738 году Фёдор Дубовский служил атаманом станицы Дубовской на Волге, а станица была центром Волжского казачьего войска. Но чёрт дёрнул Фёдора пожаловаться на воровство войскового атамана Персидского. Приехали ревизоры. Атаман подмазал их, и они объявили жалобу Дубовского наветом. Фёдора кинули под кнут, а потом навечно сослали на Илек простым казаком.

Пугачёв ещё возьмёт на Волге станицу Дубовскую и обрушит авторитет клана Персидских. Хотя старику Дубовскому от этого не станет легче. Он угодит в плен и сгинет на каторге. А несчастный сакмарский поп получит плетей, потом его лишат сана и определяют в церковные сторожа. Зато хитрый Муса Улеев, пугачёвский атаман Каргалы, вывернется из оренбургского каземата, отбоярится от следствия, вернётся домой и ещё долго будет торговать в Каргале как ни в чём не бывало.

Пока осада будет душить Оренбург, Пугачёв займётся переименованиями. Андрей Овчинников превратится в «графа Панина», Федька Чумаков – в «графа Орлова», Ванька Зарубин – в «графа Чернышёва». Сакмарский городок Пугачёв переименует в Петербург, Каргалу – в Киев, Бёрды, свою ставку, – в Москву. Так у «царя Петра Фёдорыча» появится собственная Россия. В конце XX века она сведёт с ума авторов «Новой хронологии».

Меняя названия, Пугачёв выстраивал параллельную реальность. Он словно форматировал мир, чтобы силой загнать действительность в уже готовую модель. Такой демиург, как самозванец Пугачёв, не мог не победить в информационной войне с императрицей Екатериной.

Манифест «Разбойничьей партии»

Разбойничьими партиями» власть называла отряды пугачёвцев. Но обычные разбойники не рассылают письма с призывами к бунту, а Пугачёв с первых дней взрывал народный разум посланиями, которые именовал «манифестами». Власть боялась их, как чёрт ладана. Такую прокламацию добрые подданные подкинули государыне Екатерине прямо в Зимний дворец в Рождество 1774 года.

В пугачёвщину вся Россия от императрицы до холопа читала только два вида текстов: Часослов и манифесты Пугачёва.

Казак Пугачёв был неграмотным и скрывал это, потому что царь-то грамоту знать должен. Не раз атаманы пихали «царя» в бок локтями, когда он, делая вид, что читает, держал письмо вверх ногами. Сохранился удивительный документ, где накаляканы бессмысленные детские завитушки, «не изъявляющие никаких литер»: это попытка Пугачёва научиться подписывать свои грозные

указы.

Ещё на Узеньях Пугачёв потребовал себе грамотея, и казаки нашли ему 19-летнего Ивана Почиталина, парня послушного и прилежного. На берегу степной реки Почиталин лёг пузом в некошеную траву и, высунув язык, сочинил первый манифест. Пугачёв полюбил своего усердного писаря и звал его ласково и по-отечески – Ванюшкой.

Ванюшка, титулуя самозванца, изощрялся как мог, чтобы убедить в его подлинности: «Я, великий государь анператор, жалую вас, Пётр Фёдаравич», «Доброжелатель, тысячью великой и высокой един великий император государь», «Российской державы содержатель».

Указы Ванюшки восходили к народным заветам: «Исправить бы тебе великому государю пять голубиц и тритцать бонбав, и ни жилеть бы тебе коний государевых. И никто же бы тебе за то не обидил, ни встрешнай, ни папиришной. А ежели кто онаго обидит, тот приимит от великаго государя гнев». «Голубицы» – это гаубицы. Похоже, что в конце манифеста губы Почиталина шептали «аминь!».

И всё ж Ванюшка чувствовал потребность в творческом росте. В октябре 1773 года, уже под Оренбургом, Максим Шигаев добыл переплетённые в книгу правительственные указы. Максим и Ванюшка заперлись в избе и неделю упражнялись в составлении манифестов, «выбирая лутчия речи». Их творческий дуэт Пугачёв усилил крестьянином Петровым из Белорецкого завода: Пугачёв подивился, как складно написана жалоба Петрова. Три грамотея открыли секрет императрицы: надо апеллировать к опыту Петра Великого. Теперь воззвания Ванюшки разили слушателей наповал.

Пугачёв прикажет возить его манифесты, держа над головой, а подавать на острие пики или на штыке. Когда после оренбургского разгрома Ванюшка попадёт в плен, его осудят на каторгу пожизненно, хотя он не держал ни ружья, ни сабли: Екатерина хорошо разбиралась в литературе и беспощадно разбиралась с литераторами. «Бунтовщиком хуже Пугачёва» она назовёт Александра Радищева, автора «Путешествия из Петербурга в Москву».

Ванюшка строчил самозванцу указы, которые дворяне читали с хохотом, а простые мужики, «возникнув из мрака неведения», крестились и вставали на

смертный бой. Не случись пугачёвского бунта, быть бы Ванюшке Почиталину великим народным поэтом.

Манифесты Пугачёва стали первой информационной войной в истории России. За чтение манифеста полагался кнут, за переписку и передачу – каторга. Палачи публично сжигали манифесты у позорных столбов. Засекречены были и копии для суда над мятежниками, и даже разрешения на копирование. После боёв солдаты обшаривали карманы убитых бунтовщиков в поисках не денег, а бумаг, где написана «вся правда».

Для идеологической победы власть не сумела найти аргументов. 17 октября 1773 года, через месяц после первого манифеста Ванюшки, Сенат издал указ, объявляющий ложными абсолютно все обращения к народу и от лица императора, и от лица императрицы, если обращения зачитаны с рукописного листа. Контроль над печатным станком был признан делом государственной безопасности.

Осень в Оренбурге

5 октября бунт подступил к Оренбургу. Своё войско Пугачёв повёл на штурм города шеренгой, чтобы казалось, будто мятежников много. Но с разбега приступ не удался, Оренбург отразил атаку: «начали из города жестоко картечами бить».

Губернатору Ивану Рейнсдорпу, датчанину, было 43 года. Он возглавлял губернию уже пять лет и зарекомендовал себя хорошим хозяйственником, но не знал особенностей пограничной службы и не доверял казакам. Свою карьеру Рейнсдорп сделал честно: выслужился из секунд-майоров в генерал-майоры и трижды был ранен в боях с пруссаками. Напрасно его потом обвинят в трусости. Скорее, он оказался служакой и тугодумом. Никакие артикулы не объясняли Рейнсдорпу, уже генерал-поручику, что делать, когда 2000 мятежников беспардонно берут в осаду крепость с гарнизоном из 1200 обученных солдат и офицеров, да ещё с 70-ю пушками. Как сражаться-то, если противник, вопреки всей военной науке, не ходит строем?

Оренбург старается удержать историческую память в своей структуре. «Лучевая» планировка центра осталась от крепости, заречная роща превратилась в парк, а в районе Форштадт в геометрии хайтека закодировано воспоминание о военной дисциплине

Коли мятежники не понимают, что так воевать нельзя, значит, они – дикие животные. И генерал Рейнсдорп приказал насторожить вокруг города капканы. Казаки собрали их и написали Рейнсдорпу яростное письмо, в котором сообщили, что генерал «из бляди зделан». Тогда Иван Рейнсдорп предпочёл просто засесть за надёжными куртинами крепости и терпеливо ждать: пускай от начальства придёт кто-нибудь поумней, чем он, и победит врагов, как положено по правилам войны.

Крепость Оренбурга лежала на плоской вершине большого холма над Яиком. Вершину опоясывал пятивёрстный насыпной вал высотой в два человеческих роста. На равных расстояниях его разрывали 12 выступов-бастионов. С дощатых барбетов в бревенчатые амбразуры глядели пушки. В город вели четверо ворот: Водяные, Сакмарские, Чернореченские и Орские. Крепость сроят в 1864 году.

Все улицы внутри крепости пересекались под прямым углом. Роль цитадели играл кирпичный Гостиный двор, в котором наружные стены были с бойницами. Город был забит народом, бежавшим от бунта. Пугачёвцы встали на виду. С куртин крепости сквозь промозглую морось офицеры смотрели, как на поле за рвом бунтовщики пируют, джигитуют и милуются с каза?чками форштадта – жилого предместья.

7 октября офицеры потребовали от Рейнсдорпа действий. Вскоре под треск барабана из крепости вышла колонна солдат и двинулась на стан пугачёвцев. Но орда мятежников вмиг обратилась в войско: по солдатской колонне картечью ударили пушки и разметали строй. На толпу солдат понеслась гикающая конная лава. Служивые кинулись обратно к воротам. Атака осаждённых не удалась. На вечернем военном совете у губернатора 11 участников из 12 проголосовали за оборону без всяких вылазок и рейдов.

Теперь очередь была за осаждающими. В версте от крепости над рекой Сакмарой стояла покатая гора Ак-Тюбе. В XIV веке на ней располагалась одна из непрочных ногайских столиц, где правил хан Басман. Потом оренбургские казаки соорудили здесь «маяк»: вышку с помостом. Если дозорный видел на

горизонте пыль степной орды, он зажигал сигнальный огонь. Теперь на ханское кладбище мятежники закатили пушки и расставили их меж могильных камней, покрытых арабской вязью. 22 октября Маячная гора обрушила на Оренбург поток ядер. Но дожди залили городские пожары.

Степи седали от инея. На Яике вдоль берегов заблестел ледяной припай. Белое небо проседало над Оренбургом от тяжести грядущих снегов. Надо было брать Оренбург – отбивать зимние квартиры.

2 ноября от горы Маяк к валам крепости по белым пятнам изморози, как по солончакам, двинулись чёрные толпы бунтовщиков с пушками. Они отбомбили вал, с криками посыпались в ров и полезли вверх на куртины, размахивая саблями. Гарнизон Оренбурга встретил их в штыки. И ещё вдруг ожил левый, «бухарский» берег Яика, где кудрявилась заречная роща, и загрохотал артиллерией. Там с ночи в ломких зарослях прятались орудия и зачоченевшие егеря. Мятежников на скатах крепостных валов начало косить картечью, и они кубарем покатались обратно в ров. Оренбург устоял. С Общего Сырта к Яику плыли синие тучи зимы.

Из грязи в князи

К блокированному Оренбургу с разных сторон спешили войска государыни. Ближе всех оказался корпус генерал-майора Василия Кара.

Из губернской Казани Кар вывел две тысячи солдат и ещё по пути собирал ополченцев. Он прошёл по Закамской линии крепостей до фельдшанца Кичуй, потом через Бугульму направился к верховьям речки Салмыш, вдоль которой и пролегла дорога на Оренбург. Бравый генерал беспокоился лишь о том, чтобы разбойники до его прихода не разбежались кто куда, как крысы из горящего амбара.

Но разбойники и не думали разбегаться. Навстречу генералу Кару Пугачёв направил казачий отряд Андрея Овчинникова и Ваньки Зарубина по прозвищу Чика. «Чика» – значит: «головорез».

После поражения от «регулярщиков» Ваньку бросили под кнут на Меновом дворе Оренбурга. Казак – не мужик, такого не стерпит. Оскорбление отсекло Чике прежнюю жизнь. Домой он не вернулся, ушёл на Узени, где и встретил Пугачёва, который говорил, что он царь. Он, понятно, врал, потому Ванька Чика и поверил ему: передал спасённое знамя погубленного бунта.

По дороге Чика и Овчинников встретили отряд атамана Хлопуши, который вёл под Оренбург полк и вёз пушки с Авзянских заводов. В ту эпоху пушка на поле боя по значению равнялась современному танку. Хлопуша щедро поделился пушками с казаками и дал в придачу авзянских бунтовщиков – умелых канониров.

Ноябрьская дорога, растоптанная войском до водяной черноты, длинными изгибами лежала на покатых белых склонах холмов. В лощине вяло журчал ещё не замёрзший Салмыш. Медное солнце остыло, как вчерашний самовар. Солдаты и казаки сошлись друг с другом 9 ноября на околице деревеньки Юзеевой.

Сражения XVIII века заключались в перестроениях войск. Это было важно, потому что ружья били метко лишь на сотню сажений, а перезаряжать их нужно было слишком долго: один «плутонг» – взвод – стрелял, три других возились с перезарядкой. Артикул предписывал солдатам ходить колонной, атаковать шеренгой и шагом. Запрещалось под картечью рассыпать строй, а при ружейной стрельбе стрелкам нельзя было даже поворачиваться боком. Барабанщики передавали команды офицеров треском барабанов как азбукой Морзе. Но балет под барабаны срабатывал в бою только тогда, когда и противник вёл себя подобным образом.

На ровных снежных лугах речки Салмыш генерал Кар выстроил свой безупречный парад, словно играл в солдатиков, а бунтовщики и не подумали ответить тем же. На окрестных высотах раззявили зевла авзянские пушки. Артиллеристы Кара отстреливались, но заводские канониры метко лупили по вражеским батареям, и разбитые пушки солдат валялись набок, словно убитые кони. А потом на солдат со всех сторон дьяволами налетели бешеные казаки с опущенными пиками.

Генерал Кар этого не ожидал. Он начал размеренно отводить свой корпус в деревню, но ядра бунтовщиков безжалостно взрыли Юзееву: расшвыривали бревёшки домишек, разбрасывали снопы камыша с кровель, распахивали улочки. И тогда войско побежало, бросив обоз.

Через три дня потрясённый Кар привёл свой разгромленный и помороженный корпус в Бугульму, как попало сдал солдат генералу Фердинанду Фрейману и самовольно уехал в Москву. Государыня была в бешенстве. Василия Кара вышибли из армии, не видя в нём впредь «прочности». Оставшиеся три десятилетия жизни покрытый позором генерал проведёт в мрачном затворничестве в своих имениях.

А в глазах Пугачёва Зарубин и Овчинников стали великими полководцами. Меньшими силами они разбили корпус российской армии, а российская армия была тогда лучшей в мире. Ванька Чика и Андрюха почикали усатого генерала с медалями, привезли обоз и пленных, – ай да казаки, ай да молодцы, любо!

Андрея Овчинникова Емельян Иваныч оставит при себе, а Ваньку Зарубина отправит на другой фронт. Пугачёв будет руководить бунтом от Яика до Волги, а Чика – от Камы до Тобола. Он станет фигурой, равновеликой Пугачёву.

Из князи в грязи

В бою у деревни Юзеевой под ноги казакам бросил свою шпагу подпоручик Михаил Шванвич. Его бы закололи в горячке, но сдавшиеся солдаты схватили казаков за пики: пощадите ихнее благородие! Добрый человек молодой офицер!

Вскоре желторотого дворянчика поставили пред огненными очами Емельяна Пугачёва. «Поцелуй злодею ручку!» – шептали юному Шванвичу, как пушкинский Савельич шептал юному Петруше Гринёву. Шванвич поцеловал.

Он был не первым дворянином, который принёс присягу Пугачёву. Несколько дворян уже служили самозванцу. Пугачёв хотел иметь не только казачьи полки, но и солдатские, профессиональные. Под Оренбургом у него скопилось много взятых в плен солдат – им были нужны офицеры. 18-летний Шванвич приглянулся Емельяну более прочих: он не морщил нос и не поучал. Потом следователь запишет слова Пугачёва о Шванвиче: «умеет говорить многими языками и может способной быть к установленной в то время злодейской коллегии».

У мятежников Шванвич быстро сделал карьеру. Пугачёв назначил его командиром всех своих солдатских полков, где служба строилась по армейскому образцу, а не по казачьему. Юнец проявил стальную выдержку, и никто не узнал, какие бури бушевали в его душе. Шванвич не сошёлся ни с кем: казачьи атаманы ему были не ровня, а с другими дворянами ему, видимо, было невыносимо стыдно.

Шванвич ощущал всю низость своего служения самозванцу Петру Фёдорычу, ведь по дворцовой легенде императора Петра III ремнём ружья задушил его отец, гвардии поручик Александр Шванвич. Убийство царя организовал граф Алексей Орлов. Потом Александр Шванвич вызвал Орлова на дуэль, ранил, и за это был сослан в гарнизон захолустного Оренбурга.

В бессильной злобе юный Шванвич сочинил про Пугачёва издевательскую байку. Будто бы, обложив Оренбург, Пугачёв зашёл в Георгиевскую церковь предместья Форштадт. Храм был полон народа. Протолкавшись сквозь толпу, Пугачёв бесцеремонно впёрся в алтарь, уселся на престол и нагло заявил: «Давненько не сидел я на престоле!» Русский человек XVIII века не путал церковный престол и царский. Шванвич пытался выдать Пугачёва за дикаря, но Пугачёв не был «грядущим хамом».

Пушкин от души поохотал над этой сказкой, но не включил её в «Историю Пугачёва», хотя щедро включал другие предания. Чутьё к правде было для Пушкина важнее «красного словца». Это чутьё к правде приведёт к тому, что Пушкин ради чести пожертвует жизнью. А вот Шванвич – не смог.

Когда дела мятежников пойдут плохо, офицеры, что служили самозванцу, затеют заговор. Их выдадут. Пугачёв прикажет вздёрнуть изменников на виселице. Но Шванвича среди них не будет. Он благоразумно уклонится от заговора. С хладнокровием самурая он дождётся решительного разгрома бунтовщиков князем Голицыным под Татищевой крепостью, сбежит в суматохе общей паники и сдастся правительственным войскам.

Это спасёт ему жизнь, но не честь. По приговору Сената и самой государыни Михаила Шванвича лишат дворянства и навечно сошлют в Сибирь. Он молча доживёт свой век и умрёт в Туруханске в 1802 году. А вот его отец поручик Александр Мартынович после суда над сыном подаст прошение о возвращении на службу, хотя ему исполнится 50 лет, и до смерти, замаливая сыновий грех, будет служить командиром батальона в Кронштадте.

В советское время о Шванвиче говорили неохотно, с намёком, что Шванвич – прогрессивный дворянин, которому не хватило духа идти до конца, почти что декабрист. Пушкин сочувствовал Шванвичу: в «Истории Пугачёва» он писал о молодом подпоручике с тактом человека, который тоже может оказаться слабым. Но в «Капитанской дочке» Пушкин не уступил жалости. Да, судьба несчастного Шванвича породила историю Петруши Гринёва, но сам Шванвич стал прототипом не Гринёва, а подлеца Швабрина. Потому что никуда в жизни не деться от простого и беспощадного правила: береги честь смолоду.

Бёрды: казачья Москва

В начале ноября войско Пугачёва, подгоняемое первой метелью, отошло от Оренбурга на пять вёрст и обосновалось в Бёрдской слободе. Здесь тоже был «транжемент» с бастионами и пушками. В то время река Сакмара текла прямо под крепостным валом. Ныне эта слобода – скромная окраина Оренбурга, а на полгода бунта Бёрды стали самым жутким селением России: чистилищем для дворян.

Чистилище заработало 14 ноября. В Оренбург прорывался корпус полковника Петра Чернышёва. Комендант Симбирска, Чернышёв вёл 1100 солдат при 15 пушках. Он совсем чуть-чуть не добрался до цели. Под Оренбургом к нему явился казак Подуров и пообещал указать корпусу дорогу, свободную от бунтовщиков. Полковник поверил, ведь перед ним был оренбургский старшина, а не яицкий.

Подуров завёл корпус в засаду под горой Маяк. Мятежники рухнули солдатам на головы. Весь корпус угодил в плен. Полковника Чернышёва схватили «в сером кафтане, сидящего на козлах» – он успел переодеться в ямщика, но его опознали по белым дворянским рукам. Мглистым вечером на площади в Бёрдах мятежники повесили Чернышёва и 30 его офицеров.

В Бёрдах мятежники расстарались для самозванца: избу казака Ситникова оклеили золотой бумагой, взятой в ограбленном бухарском караване, и на гвоздик подцепили портрет царевича Павла. Под ним время от времени Пугачёв плакал от горькой отеческой кручины. Стерегли «золотую избу» особые

«гвардионцы» с топориком и булавой – ряженые из русских сказок. Российская элита не вывела народ из мифа – и получила Бёрды с «гвардионцами» и виселицами.

Нынешние Бёрды – скромный посёлок на окраине Оренбурга, тихий, одноэтажный и зелёный. Трудно вообразить, что зимой 1773 года в этой станице мятежники открыли ворота в ад

Пугачёв решил брать Оренбург осадой: не мытьём, так катаньем. Город со всех сторон стерегли разъезды конных башкир. А в Бёрдах несли караул казачьи пикеты – правда, пароля не было: пропускали всех, кто называл себя магическим словом «казак».

Пугачёв учредил «Государственную военную коллегия». Она ведала всеми делами бунта: боевыми действиями, порядком на станах и жалованьем казаков, если удавалось разжиться звонкой монетой. Войско составили два десятка полков: яицкий, илецкий, оренбургский, татарский, башкирский, калмыцкий, рабочий и другие. Походную канцелярию – главный штаб – возглавил Овчинников.

В Бёрдах Андрей Овчинников привёл к Емельяну «ворона» – яицкого казака Афанасия Перфильева, посланного убить Пугачёва самим графом Алексеем Орловым. Друг Андрюха убедил друга Афоню перейти на сторону друга Емели. Перфильев станет полковником и дойдёт с Емельяном до последней битвы, а потом будет скитаться по степи и попадёт в плен. Его казнят вместе с Пугачёвым.

У «коллегии» Пугачёва был и суд, которым правил старый казак Витошнов. Он сам и его сын-есаул оказались у Пугачёва не по своей воле: в Яицком городке бунтовщики за узду утянули их коней к Чагану. Витошнов присягнул самозванцу, а сын – нет, и его казнили. И теперь суд Витошнова не знал пощады. Каждый день в Бёрдах вешали и вешали врагов – офицеров, солдат, казаков, мужиков и баб. Овраги вокруг слободы были завалены трупами. После оренбургского разгрома Витошнов будет схвачен властями, но сразу умрёт в тюрьме, не дожидаясь неизбежного четвертования.

Жизнь мятежников в Бёрдах наладилась, но Пугачёву всё было не по душе, и каждый вечер в «золотой избе» бушевали попойки. Лучины задыхались в угаре, пролитая брага текла по столам, атаманы сидели подле «царя» в шапках и пели тягучие бурлацкие песни. Это походило на чёрную мессу еретиков или на вой тоскующих смертников.

Через 60 лет в эту избу, наклонившись под притолокой, войдёт Пушкин. В Бёрдах Владимир Даль соберёт ему стариков. Червонцы растопят недоверчивость «лицарей», и седые казаки расскажут о мятеже. Пушкин заслушается историями старой казачки Ирины Бунтовой, которая сама 13-летней девочкой видела все ужасы самозванца. Двужильная старуха Бунтова переживёт и Пушкина тоже – умрёт в 1854 году от холеры, которую остановит лишь Табынская Богоматерь.

А наутро старики спохватятся. Кто же им платил? Чернявый, ногти длинные... Завязав пушкинские червонцы в платок, перепуганные «лицари» посемят к начальству, отдадут деньги и покаются, что согрешили, потому как приезжал к ним «должно быть антихрист». А кому ещё любо знать о Пугаче, сатанаиле, которого 10 декабря далёкого 1773 года отлучили от церкви и предали анафеме?

Невольники чести

Оренбург звал на помощь, и помощь спешила со всех сторон. Пока пугачёвцы громили корпус полковника Чернышёва западнее Оренбурга, с востока, смяв пикеты Ваньки Чики, в город прорвался отряд бригадира Алексея Корфа: 2500 солдат и 22 пушки. Пугачёв так разозлился, что едва не повесил Чикю-Зарубина.

Корф пришёл из Верхнеозёрной крепости – главной на дистанции Оренбург – Орск. Крепость стояла у Маячной горы чуть в стороне от Яика. Здесь собирались правительственные команды из Челябинска, Орска и Тобольска. Пугачёв не мог не ударить по Верхнеозёрной. 18 ноября из-под Оренбурга выдвинулись два полка: три тысячи бунтовщиков. Их вели атаманы с прозвищами Хлопуша и Шара – один каторжник, другой пастух.

В покатых оренбургских степях высятся казачьи горы-маяки, вроде Маячной горы у Верхнеозёрной крепости. Горизонталь степи бессмысленна без вертикалей этих гор, как пространство – ничьё и никакое, если его не держат отвага, присяга и честь

Ещё два месяца назад калмык Шара был в Илецком городке крепостным батраком старшины Андрея Бородина. Бородин бежал в Оренбург. А Шара собрал по степи табун своего хозяина и пригнал Пугачёву 250 коней. Пугачёв произвёл Шару в полковники и назвал Андреем Бородиным. Шара обомлел. Никто доныне не считал его за человека, а тут сам царь Пётр Фёдорович сделал его сразу казаком!

Шара и Хлопуша прошли вверх по шумной реке Сакмаре, которая бурлила, сопротивляясь ледоставу. Вдоль гребня Гирьяльского хребта Шара и Хлопуша выбрались в широкую долину Яика к Маячной горе и к строптивой крепости Верхнеозёрной.

Её комендантом был немолодой француз, военный инженер Отто де Марин. Под его командованием было 800 защитников при 19 пушках. С такими силами настоящий француз отобьётся от сатаны, а не только от бунтовской швали. И де Марин отважно отбивался. Огнём орудий и мушкетов разили четыре бастиона и оба реданта крепости Верхнеозёрной. Мятежники откатились. Это было 23 ноября.

Шара и Хлопуша написали Пугачёву донесение. 26 ноября сам Пётр Фёдорович с войском пожаловал к «транжементу» француза. Пугачёв хотел мести. В Верхнеозёрной крепости под защитой де Марина осталась жена бригадира Корфа, который привёл подкрепление в блокированный Оренбург, и Пугачёв задумал казнить эту бабу: пускай бригадир Корф пожалеет, что ушёл из своего «транжемента».

Калмыку Шаре было стыдно, что государь наградил его честью, а он подвёл. Шара с саблей в руке первым кинулся на бастион, чтобы государь увидел его преданность. В схватке у пушек штык канонира ударил Шаре в грудь. Обливаясь кровью, Шара упал на доски барбета. Де Марин отбил и второй штурм.

Пугачёв хмуро поглядел на неприступные куртины дерзкого француза и решил плюнуть на крепость Верхнеозёрную. Утром войско мятежников молча потекло в

распадок горы Верблюжки, а вечером оно уже налетело на соседнюю крепость – Ильинскую. Туда только что вошла тобольская команда секунд-майора Ефрема Заева. Не сбросив походных ранцев, тобольские солдаты высунули ружья в амбразуры и пальбой отбросили атаку. Пугачёв взбесился.

29 ноября пушки мятежников исколотили Ильинскую крепость ядрами, потом казаки бросились к разрытым укреплениям. Ильинский «транжемент» дрался что было сил. Двести тоболяков упали убитыми на мёрзлую землю валов и бастионов, замертво скатились с откосов в стылые лужи. Казацкая сабля рассекла голову Ефрема Заева. Ильинская крепость пала.

Пугачёву привели взятых в плен офицеров. Среди них был и сын Заева недоросль Иван. Офицеры не могли предать своих погибших солдат, а сын не мог предать отца. Дворяне перекрестились и сказали, что Пугачёв – вор и самозванец. Их повесили.

А потом мятежники ушли. Верхнеозёрная до весны стояла под ударами из-под Оренбурга, но де Марин удержал крепость, как и требовала честь офицера и дворянина. В его крепости в плену умер от ран отважный калмык Шара, что за два месяца тоже прошёл свой путь чести. А в Оренбурге от голода умер хозяин Шары илецкий старшина Андрей Бородин.

После бунта французский офицер Отто де Марин купит себе сельцо возле Степной крепости и станет мирным русским помещиком Демариным. Память о нём и ныне хранит большое село Демарино в Челябинской области. Если бы все помещики державы оказались такие, как Демарин, в России не стряслась бы пугачёвщина.

Оборона Челябинска

Поход Пугачёва на Верхнеозёрную крепость принёс повстанцам совсем другую победу: победу над Челябинской крепостью.

В Гирьяльском редуте, на пути к твердыне де Марина, пугачёвцы окружили отряд исетских казаков из Челябы, которые шли на помощь Оренбургу.

Челябинцы подумали и сдались: подняли пики и повязали своих атаманов. Снежные вихри с хребта Гирьял засвистели вокруг новых виселичных столбов. А Челяба осталась без пушек и почти без войска – с одним лишь малым гарнизоном.

Челябинский воевода Алексей Верёвкин схватился за голову. Его крепость – центр огромной Исетской провинции. 50 тыщ рублей лежало в сундуках провинциальной канцелярии, и в гостином дворе – ещё на 150 тыщ товара. Кто будет защищать казну и добро?

Верёвкин боялся не Пугачёва, а Чику-Зарубина, который атаковал Уфу. Для охраны Челябы от Чики Верёвкин послал казаков в Чебаркульскую крепость и в Кундравинскую слободу. Но казаки переметнулись к Зарубину. А Чике заниматься Челябой было недосуг. На Челябу Чика отправил полковника Ивана Грязнова.

Грязнов прошёл через Урал, как рыбацкий бредень: загребал всех, кто мог и хотел воевать. В слободах он набрал мужицкую пехоту, в башкирских аулах – конницу, на горных заводах – канониров с пушками.

Купцы, что укрылись в Челябе, упали Верёвкину в ноги: придумай хоть что-нибудь! И воевода на свой страх и риск принялся тормозить в Челябе все отряды, что проходили мимо на выручку Оренбургу. Так у Верёвкина появилась артиллерийская команда и рота тобольских рекрутов отважного поручика Федота Пушкарёва.

Но заговор зрел и в самой Челябе. Атаман Уржумцев и хорунжий Невзоров за углом воеводской канцелярии шептали исетским казакам, что им, «бедным родственникам», надо брать сторону яицких братьев. Увидев, что крепость копит силы для обороны, зачинщики ударили в набат. Молниеносным броском мятежные казаки захватили орудия и взяли в плен воеводу Верёвкина. Но Пушкарёв поднял своих рекрутов в ружьё. На площади у бревенчатой ратуши пушкари и пушкарёвцы сшиблись с казаками, отбили пушки и освободили воеводу. Улочки Челябы насквозь прожгла картечь. Мятежные казаки бросились вон из крепости. Атаман Уржумцев и ещё 67 бунтовщиков попали в плен.

Хорунжий Наум Невзоров привёл уцелевших казаков в войско Ивана Грязнова, который уже подходил к Челябе. А в крепости обезумевший воевода Верёвкин

вешал бунтовщиков и целый день без передышки пытал Уржумцева, пока атаман не умер в луже крови.

8 января 1774 года войско Грязнова с марша атаковало крепость Челябину, но тобольские рекруты поручика Федота Пушкарёва отбили штурм. Обмётанные инеем бревенчатые стены Челябины тарахтели с раскатов беглой ружейной пальбой. Двухъярусные башни из-под нахлобученных тесовых шатров громыхали орудийными залпами. Над шатрами в сизом небе зимы топырили крылья деревянные двуглавые орлы.

Три дня подряд Грязнов бросал свои отряды на приступ. В одну из ночей хорунжий Невзоров отправился к крепости уговаривать бывших товарищей сдаться и открыть ворота. Ворота открылись – Невзоров вошёл, ожидая покорности, – и его повязали; наутро его повесили. Челябинка не желала капитулировать. А к ней сквозь бунтующую провинцию шагало сибирское войско генерала Деколонга.

Лифляндскому шляхтичу Ивану Деколонгу было 57 лет. За долгую службу он воевал с немцами, поляками и горцами, но талантов не проявил. Зато был честен, спокоен и разумен. И сибирский губернатор Денис Чичерин направил войска генерала Деколонга спасти оренбургского губернатора Ивана Рейнсдорпа.

12 января Грязнов отвёл свою армию в крепость Чебаркуль, а Деколонг вступил в Челябинскую крепость. Воевода Верёвкин снял с виселицы тело Невзорова, и «тот скверный труп с надлежащей народу публикацией» провезли в дровнях через всю крепость, полосуя кнутами, а потом бросили в ров без погребения. Воспрянувшие духом защитники Челябины уверовали, что генерал Деколонг спас их крепость. Но получилось наоборот.

Подполковник-грубиян

Весь декабрь 1773 года Пугачёв провёл под Оренбургом. Бунт забуксовал: Оренбург держался стойко. Досаждало и то, что на задворках мятежа огрызнулся Яицкий городок, где в «транжементе» прямо в центре городка засел непокорный подполковник Иван Симонов с двухтысячным гарнизоном и 22 пушками. Пугачёв

понимал, что может повести казаков на Москву, даже если Оренбург не покорится, но казаки никуда не уйдут с Яика, пока не покорён Яицкий городок.

В декабре пугачёвский атаман Михаил Толкачёв собрал по крепостям Нижне-Яицкой линии пушки и казаков и попробовал выкурить Симонова, но тот отбил. Ярким Рождеством 1774 года государь Пётр Фёдорович оставил Оренбург и явился в Яицкий городок личной венценосной персоной.

На «транжементах» Пугачёв научился ломать русскую дворянскую честь. Ему противостояли только датское солдафонство Рейнсдорпа и французская дерзость де Марина. Но русский офицер Иван Симонов, грубиян и пьяница, уже наплевал на дворянскую честь, когда 19 сентября, в самом начале бунта, не вышел на бой к Чагану. С таким противником Пугачёв ничего не мог сделать.

Симонов без всякого благоговения приказал стащить припасы и порох в подвал Михайло-Архангельского собора. На колокольне установил батарею, и храм поздравил паству не рождественским благовестом, а канонадой. Своим солдатам Симонов посоветовал жрать конину. Калёными ядрами он выжег в городке вокруг своего «транжемента» 255 казачьих домов с усадьбами, чтобы супротивник не подполз к обороне тайком.

Пугачёв послал Симонову приказ «выйти из кремля» и, не надеясь на сдачу гарнизона, распорядился рыть подкоп под батарею. Казаки взялись за лопаты. Через две недели подкоп был готов. 20 января подземный взрыв подбросил пушки «транжемента», словно лодки на волне. Пугачёв поднял над головой саблю и повёл казаков в атаку на куртины.

На колокольне хрипло орал небритый, похмельный подполковник в съехавшем набок парике. Колокольня, словно артиллерийская башня крейсера, извергала залпы. Солдаты стреляли из ружей, бежали, кричали, кидались в штыковые. Казаки под пулями забирались на бастионы – и скатывались обратно. «Транжемент» отбил.

Раздосадованный Пугачёв бросился в сани и на неделю уехал из Яицкого городка. Сапёры мятежников лихорадочно рыли новый подкоп – теперь уже под колокольню. В промёрзших землянках «транжемента» солдаты на кострах топили в котелках снег и варили сапоги. Грязный, нечёсанный Симонов, отогревая дыханием чернила на перо, писал донесения, не надеясь, что они будут

донесены.

Пугачёв отметил своё возвращение гульбой – напоказ голодающим защитникам. «Транжемент» несколько раз гавкнул пушками. А 19 февраля новый взрыв потряс берег Чагана. Вороны, что отъелись на мертвечине, повалились с колокольни замертво. Однако Симонов уже знал от перебежчика, что мятежники рванут колокольню. Всю ночь солдаты выносили из подвала собора припасы и снимали пушки с верхотуры. Пустая колокольня от взрыва треснула, но не рухнула. Мятежники взвились на куртины, рассчитывая увидеть ужас и разрушения, а их встретили дружным огнём. Симонов опять отбилсЯ.

Мрачный Пугачёв уехал, и в третий раз вернулся только 8 марта. Дела шли плохо, и ему хотелось хоть какой-нибудь победы. Но ничего не изменилось. Грубиян Симонов встретил Пугачёва вылазкой голодных солдат. Вымещая гнев, Пугачёв сам рубил атакующих саблей.

14 марта со стороны Чагана в «транжемент» прилетел бумажный змей с письмом Пугачёва. Симонов прочитал послание и спокойно отметил в гарнизонном журнале: самозванец «угрожал зверояростию своею проклятою злобою». Вместо ответа «транжемент» бахнул из пушки. Пугачёв молча принял это и утром уехал.

«Транжемент» простоит в осаде ещё месяц, до подхода войск генерала Павла Мансурова. Осенью того же года Пугачёв снова увидит треснувшую колокольню Михайло-Архангельского собора: Пугачёва привезут в Яицкий городок связанного. А грубиян Симонов после пугачёвщины станет обер-комендантом губернского Белгорода и бригадиром.

Атаманская дочка

Казачи желали сами верховодить бунтом, но Пугачёв набирал собственную силу. Разный мятежный народ, что приходил под Оренбург в Бёрды, не знал, кто в бунте первый, и служил не казакам, а самозванцу – то есть, Пугачёву. Емельяна следовало покрепче привязать к казачьему интересу. Для этого казаки решили женить Пугачёва: будто подменить царский венец брачным.

В жёны Емельяну яицкие хитрецы подобрали молоденькую девку Устинью Кузнецову. Её отец, отставной казак Пётр Михалыч, бунтовал в 1772 году и многим важным людям Яика приходился роднёй. Такой не предаст и проследит за новым зятем. Пётр Михалыч согласился с планом.

Емельян не был парнем, который женится по указке батюшки, но сейчас замысел казаков пришёлся ему по руке. К Оренбургу приближались войска князя Голицына, и Емельян тоже хотел породниться с казаками, чтобы те не выдали его князю, спасая свои головы. Пугачёв приехал в Яицкий городок брать «транжемент», а в доме Петра Михалыча ему приготовили смотрины Устиньи и сразу устроили сватовство.

Здесь неизвестно, кто кого переиграл: казаки – Пугачёва, или наоборот. На венчании не супруги клялись в верности друг другу, а вся свадьба клялась в верности бунту. Мрачный получился праздник. По степям свистела пурга, рвала на ключья дымы из печных труб. Пьяный городок пел и плясал – воистину, «последний раз гуляем». А посреди городка молча вздымались обледеневшие валы осаждённой крепости. Там люди умирали от голода, а здесь брага текла по усам.

Низкую горницу освещали церковные свечи, а собор стоял за куртиной, и с коренастой колокольни чугунная пушка целилась в снежную крышу кузнецовского дома. Вместо венчального благовеста – картечный визг. Губы невесты холодны, как крест, который целуют перед казнью. И весёлые гости тотчас растерзают жениха, если он поступит по-своему или перестанет побеждать.

Невеста сидела, опустив глаза. С какой стороны ни глянь, жених уже был женат. У казака Емельяна была супруга Софья, у царя Петра Фёдорыча – супруга Екатерина. Но Пугачёв объявил, что десять лет живёт с Катеринкой порознь, а по-божески хватает и семи годов, чтобы считаться разведённым. И потом произвёл сестру Устиньи и её подружек во фрейлины и статс-дамы.

Емельян Пугачёв не был подлецом. Он взял от Устиньи то, что ему навязали, но ничего лишнего. Отношения Емельяна с Устиньей, похоже, сложились отчуждённо-сдержанные. Когда в марте Пугачёв ушёл из Яицкого городка отражать атаку князя Голицына, Устинья осталась в отцовском доме. Больше она не увидит супруга: её арестуют в апреле, когда Емельян укроется в Башкирии.

Женитьбу «царя» народ расценил как признание в самозванстве. Простые казаки считали, что до свадьбы Пугачёв «воевал счастливо». Дескать, войска князя Голицына тоже сдались бы ему, как все прочие, но солдаты узнали про женитьбу – и поняли, что Пугачёв не Пётр Фёдорович: от живой жены не женятся. Капитуляции теперь не жди.

У казаков Устинья будет виновата в разгроме. У мужа Емельяна – в смерти Татьяны Харловой. У государыни Екатерины – в самозванстве. У бога – в обмане венчания. Судьба атаманской дочери окажется не лучше судьбы капитанской дочери. И эта судьба не позволит Устинье пожаловаться хотя бы одним словечком.

Пугачёвщина разметалась по времени и пространству. Далёкая от Яика Прибалтика помнит мучеников мятежа, и суровая крепость Корела, построенная при Иване Грозном, – тоже участница великого бунта

Власть не пощадит ни «царского тестя», ни «царицу-казачку». Пётр Михалыч умрёт в оренбургской тюрьме, а Устинью сошлют в крепость Кексгольм, в древнюю Корелу. Всю свою безрадостную жизнь Устинья проведёт на холодной Ладоге в одном каземате с Софьей Пугачёвой.

Через много лет после смерти Устиньи по Яику вдруг прошелестит слух, что в Кексгольме Устинья родила от Пугачёва сына. Ребёночка забрала Екатерина и «подарила» его какому-то бездетному королю, чтобы унаследовал престол. Эта наивная сказка – жалкая попытка народа переиграть печальную историю несправедливости по-хорошему.

Осада Оренбурга

Нынешний Оренбург – большой степной город, подпоясанный неширокой тёплой рекой и продутый горячими ветрами. Он весь в пыльной зелени, чуть смуглый от загара, ненавязчиво-многоэтажный, разнообразный лёгкой азиатской пестротой. Он с достоинством изжил в себе травму бунта и ничем не похож на Оренбург

образца 1774 года.

Тот город был обширным плоским селением высотой в один этаж. Зимой он был чёрно-белым, как голод и дисциплина. В осаде его держали не столько пугачёвцы, сколько дикие степные снега. Сквозь них можно было пробраться только по наезженным санным трактам, а на трактах дежурили конные разъезды башкир и калмыков, готовых в любой миг свистнуть подмогу из Бёрдов. Караульные солдаты Оренбурга угрюмо вышагивали по валам туда-сюда от бастиона до бастиона и смотрели, как по окоёмам ходят огромные сизые бураны.

Вопреки решению военного совета от 7 октября, губернатор Рейнсдорп несколько раз позволял своим офицерам вылазки против мятежников, но каждый раз это кончалось плохо. Мятежникам тоже было скучно, и они дрались охотно и с азартом.

Главный бой осаждённые решили дать, когда Пугачёв укатил в Яицкий городок. 13 января из Оренбурга, хрустя снегом, вышли три колонны: 1700 солдат и 400 казаков на отощавших лошадях. Канониры тянули 29 заиндевелых пушек. Войско медленно побрело к Бёрдам. Разбойничье гнездо оживилось: наконец-то потеха! Пугачёвские полковники Хлопуша, Максим Шигаев, Тимофей Подуров и Дмитрий Лысов второпях опохмелились и вскочили на коней. Мятежники потащили к оврагу пушки. Казаки шомполами выбивали лёд из стволов ружей и пистолетов.

Оренбургские колонны подошли к оврагу, что отделял Бёрды от Оренбурга. Солдаты глянули вниз и увидели кучи мёрзлых трупов. И тут другой берег оврага взорвался залпом из шестидесяти орудий. Войско словно очутилось в лесу из снежных фонтанов. В овраг полетели оторванные ядрами руки и головы солдат. А едва фонтаны рухнули, во фланг колоннам врезалась конница мятежников.

Мятежники на пиках донесли солдат обратно до Оренбурга и бросили за ворота. На растоптанной дороге осталось три сотни убитых и 13 пушек. Валы и бастионы крепости заполошно затрещали ружейной пальбой, не давая мятежникам ворваться в город, но те и не думали, довольные одержанной победой. Больше осаждённые не пытались ударить по Бёрдам: «однакож свалки бальной не было».

Рейнсдорп решил ждать избавленья извне, но и Пугачёв тоже ждал избавленья извне. Он знал, что его атаманы уже взяли Самару и Челябинск. Под угрозой трепетали Екатеринбург и Тобольск. Чика осаждал Уфу, а Салават – Кунгур. Пугачёвская идея казачьего переустройства России кружила по огромным пространствам, а сам Пугачёв сидел возле Оренбурга, как пёс на цепи. Казаки Яика урезали Пугачёву поле свободы до своего огорода. Пускай тогда генералы разгромят казачий бунт на Яике, зато он, Пугачёв, вырвется на простор.

Взаимное терпение яицких казаков и Пугачёва лопнуло 1 марта. В этот день Пугачёв, Ванюшка Почиталин и атаман Митька Лысов ездили в Каргалу к хлебосольному Мусе и набрались по брови. Лысов, яицкий казак, был с Пугачёвым с самого начала, с Узеней. Но сейчас, как и многим на Яике, ему не нравилось, что в бунте самозванец стал самым главным. И на обратном пути из Каргалы пьяные Лысов и Пугачёв разодрались насмерть. Митька схватил пику и ткнул Емельяна в бок. На счастье Пугачёва, под шубой у него была надета кольчуга. Верный Ванюшка вцепился в пику Митьки, не давая снова ударить Емельяна.

В Бёрдах Пугачёв устроил суд над Лысовым. Суд оказался недолгим: яицкие казаки уговорили Емельяна простить Митьку. Пугачёв вроде как простил. А потом, уже на попойке, мигнул верным людям, и те, круша столы и лавки, повалили Лысова и уволокли из-за стола сразу на виселицу.

Пугачёв поднял руку на своего сподвижника. Это означало, что он больше не будет служить интересам Яика. Он берёт бунт за горло и дальше поведёт туда, куда сам считает нужным. Начиналась весна перемен, последняя весна в жизни Емельяна Пугачёва.

Оренбургский Фауст

В осаждённом Оренбурге летопись обороны добросовестно писал старенький академик Пётр Рычков. Эту летопись потом прочитает Пушкин.

Рычков попал на южный Урал в 22 года. Он был бухгалтером Оренбургской экспедиции. Тихий счетовод, он увидел древние сарматские курганы, яростные атаки батыров, сожжённые карателями аулы, залпы орудий с бастионов новых

«транжементов». Рычков остался здесь навсегда.

Он работал с Кириловым, Татищевым, Неплюевым. Когда Иван Неплюев предъявил России Оренбургскую губернию, Пётр Рычков предъявил свой первый серьёзный научный труд: обзор губернии. Никакая другая российская губерния не создавалась с такой описательной базой.

В 1759 году вышло в свет капитальное исследование Рыčkова «История Оренбургская», а в 1762 году – «Топография Оренбургская». За эти труды по настоянию Ломоносова Рыčkова приняли в Академию наук.

Жизнь Рыčkова проходила на степных ветрах. Рычков прокладывал дороги и чертил карты, собирал гербарии и минералы. В зарослях на дне оврагов он видел страшного зверя бабру – «отродие тигра», а на камышовых старицах Яика – лебедей, огромных, как волшебная птица Рух. Их всех потом перебили казаки.

Рычков первым рассказал о нефти Заволжья. Подземное нефтяное море простирается от Волги до Агидели под Татарией и Башкирией. А пугачёвский бунт таинственным образом обошёл это море по кругу.

Академик Рычков оказался хорошим бизнесменом и чиновником: основал в Оренбуржье три медеплавильных завода и стал управителем конторы соляных дел. Этими делами он управлял так успешно, что бароны Строгановы, главные солеторговцы России, вскоре потеряли барыши и тоже принялись строить заводы.

Рычков был награждён сельцом Спасское под Бугульмой. Здесь он построил завод и возвёл церковь, под алтарём которой его и похоронят.

Младший сын Петра Рыčkова Николай продолжит отцовские дела в науке, а старший сын Андрей – в службе. Андрей Рычков будет жить в Симбирске. После того, как пугачёвцы в Бёрдах казнили симбирского коменданта полковника Чернышёва, Андрея назначили новым комендантом. Командовать городом Рычков будет примерно полгода – летом 1774 года он погибнет в бою с мятежниками. Бунт отнимет у академика Петра Ивановича слишком многое: заводы сожгут, поместье разграбят, соляные промыслы разрушат, и ещё вот сына убьют...

Когда пленного Пугачёва привезут в Симбирск в клетке, Рычков-старший прорвётся мимо охраны к «злодею», чтобы спросить с него за сына. Но в итоге оба они, академик и бунтовщик, словно царь Приам и герой Ахилл, титаны троянской войны, только расплачутся друг у друга на плече. Жизнь несправедлива ко всем, что уж тут поделать.

Оренбург был заметён буранами и окружён бунтовщиками, и в голодающем городе старый степной академик бросил вызов самому Господу Богу. Доктор Фауст хотел бессмертия и связался с дьяволом. А Рычков отверг приговор Всевышнего добывать себе пропитание «в поте лица своего».

На кровле его дома-лаборатории лежал толстый сугроб, а Рычков варил в тигле, травил кислотами, соединял с экстрактами бересту и щепки, солому и кости. С крепостных валов грохотали пушки, картечь неслась по улицам, а Рычков, не отвлекаясь, дерзал сделать несъедобное съедобным. Ведь питаются этой натурой другие живые твари – коровы, птицы, жуки. Если опыт удастся, Оренбург будет спасён. Да что там Оренбург! Всё человечество спасётся, когда перестанет молить небеса: «хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

Ничего у Рыčkова не получилось. Но этого и поныне не получилось ни у кого. Однако в давно чужом окошке давно спасённого Оренбурга вечно горит лучина голодного академика.

В 1777 году Петра Рыčkова назначат Главным начальником горных заводов Урала. В дороге от Оренбурга до Екатеринбурга старичок Рычков простудится и умрёт. Его отпоют Общй Сырт, река Яик и сказочный зверь бабра, отродие тигра.

«Узкая дверка»

Посреди Великой Степи, где путь открыт на все четыре стороны, устье Яика оказалось той узкой дверкой, в которую толкались и хозяева, и захватчики этих просторов. Здесь наводили свои порядки хан Джучи и эмир Тамерлан, стояли ногайский город Сарайчик и генуэзский город Лаэта.

Яицкие «лыцари» в скитах на острове Камынь недолго делили одиночество с жёлтыми камышовыми тиграми, что драли тюленей по каменистым отмелям Хвалынского моря. В 1640 году в полусотне вёрст от руин Сарайчика появился ярославский купец Гурий Назаров с тремя сыновьями. Гурий выпросил у сарачинов разрешение восстановить учуг через Яик. Городок подле учуга назвали Гурьевым.

Яицкие казаки разъярились, потому что Гурий перехватил рыбный ход вверх по Яику. Атаманы трижды водили свои станицы в поход на Гурьев городок и сжигали учуг Назаровых. А Гурий, богатевший на осетрах и стерляди, бросил к ногам астраханского воеводы мешок с золотом, и в 1647 году в устье Яика началась большая стройка. На острове яицкой дельты вырос каменный кремль с восемью шатровыми башнями, зубчатыми стенами и двумя десятками пушек. Кошель купца Гурия Назарова обязал казённый гарнизон из астраханских стрельцов охранять частные учуги сыновей Гурия.

Надёжный кремль приглянулся потом Степану Разину. В 1667 году Разин взял его приступом, порубил стрельцов и зазимовал в Гурьеве. Весной царское войско вошло в город и осадило кремль, но разбойники огнём пушек проложили себе путь от крепости к пристани, сели на струги, распустили паруса и сквозь «узкую дверку» яицкого устья усвистали через Хвалынское море грабить богатых толстопузых персов.

В 1689 году Назаровы разорились, и казна забрала себе их городок вместе с учугами. Жизнь в городке была шаткой и буйной. То сарачины нападали, то казахи, то яицкие казаки, а порой и царские воеводы, потому что Гурьев жил сам по себе, забыв о московском подданстве. По городку взад-вперёд катались бунты. При царе Петре князь Шереметев приводил вольный Гурьев к присяге, а князь Бекович собирал здесь войско для похода на Хиву. Но Каспий, море Хвалынское, не оскудевал рыбой, и российская держава желала владеть «узкой дверкой» Гурьева-городка.

Наконец дочь Петра императрица Елизавета всё-таки отдала Гурьев яицким казакам. Казаки выстроили «транжементы» от Яицкого городка до Гурьева, сожгли гурьевские учуги и с наслаждением снесли ветхий каменный кремль: ненавистную память о стрельцах, отнявших у них щедрый промысел.

Поднимая бунт, на случай разгрома Пугачёв предусмотрел и отступление мятежных казаков в Персию – по Яику и через море. Но из «узкой дверки» надо

было убрать царскую стражу – гарнизон Гурьева.

Пугачёв дважды посылал на Гурьев своих атаманов, но всё без толку. В январе 1774 года на Гурьев пошёл сам Андрей Овчинников. Комендант Гурьева прапорщик Иван Мякишин поднял в ружьё полуроту солдат и казачью сотню. Гарнизон стойко оборонялся, даже гурьевский поп Дмитрий палил по супостатам из пушки. Но Мякишина свалила пуля, а бунтовщики прорвались за укрепления.

Яик-Урал удивителен. Летом, в межень, он мелкий и узкий, а весной, в половодье, по объёму воды он превышает Волгу. Он блуждает по степи, теряя свои притоки, и выпускает из себя странные реки-«оттоки», умирающие в песках

Офицеров и казачьих командиров повесили. Повесили и отца Дмитрия. Трижды верёвка обрывалась, и Дмитрий падал на землю, но всякий раз сам снова вставал под виселицу, не желая помилования, только выправлял из петли и раскладывал на груди свою бороду.

Атаманом Гурьева Овчинников назначил казака Евдокима Струняшева, который бунтовал ещё в 1772 году. Струняшев стерёг «узкую дверку» для Пугачёва, но Емельян ею так и не воспользовался. В мае 1774 года к мятежному городку подступила пришедшая из Астрахани команда подполковника Кандаурова. Гурьев капитулировал. Царский суд решил оставить городок и Струняшева без наказания. Ни к чему сеять новые обиды у защитников столь важного места.

Сейчас море отошло от Гурьева на тридцать вёрст. А Россия – ещё дальше. В 1991 году Гурьев и Уральск, бывший Яицкий городок, были отданы Казахстану. Гурьев-городок стал городом Атырау, что означает «дельта реки». «Узкую дверку» яицкого устья Россия беспamięтно уступила соседу.

Разгром

На косых плоскостях Общего Сырта крутились мартовские бураны. От Волги по всем дорогам вглубь степей двигались войска государыни, выбивая мятежников

из крепостей в снега. Пугачёву следовало бы громить генералов на Сырте поодиночке, но казаки держали Пугачёва между Оренбургом и Яицким городком.

Пугачёв попробовал остановить врага у деревни Пронкиной под Сорочинской крепостью, но был разбит и откатился. Все царицыны генералы сошлись в Сорочинской крепости, соединив свои силы. Эту армию возглавил и повёл на Оренбург молодой князь Пётр Голицын. Под его командованием было 6500 бойцов и 25 пушек.

Отступивший Пугачёв решил встретить Голицына в Татищевой крепости. Здесь собралось 9000 бунтовщиков с 36 пушками. Пугачёв сам шагами промерил вокруг крепости секторы обстрела и воткнул в сугробы колышки – ориентиры для артиллерии.

22 марта колонны Голицына домаршировали до Татищевой. Казалось, что «транжемент» стоит пустой. Разведчиков Голицына в воротах крепости мирно встречала баба с хлебом-солью. Но разведчики заметили мятежников, которые прятались за куртинами и углами цейхгаузов. Разведчики метнулись прочь. Ловушка Пугачёва была раскрыта.

Голицын отреагировал мгновенно. Его лыжники-егеря по сугробам потащили пушки на окрестные высоты. Колонна генерала Павла Мансурова повернула к илецким воротам Татищевой крепости, а колонна генерала Фердинанда Фреймана – к оренбургским. Голицын взял Татищеву в клещи. С холмов загрохотали пушки. Мятежники сбились в «транжементе» в кучу, и ядра валили их целыми рядами. Из ворот крепости на колонны Голицына бросилась крестьянская пехота – и вся повисла на солдатских штыках. Казачья конница увязла в сугробах вокруг Татищевой, и её секла картечь.

Андрей Овчинников крикнул Пугачёву убегать в Бёрды, «чтоб не попался в руки» Голицыну. Сам Овчинников отступит в Илецкий городок, а Емельян пушай забирает тех, кто хочет сражаться, и прорывается к нему на илецкий плацдарм. С малым отрядом Пугачёв проломил строй солдат генерала Фреймана и помчался к Бёрдам. За снежными холмами угасал гром погибающей Татищевой крепости.

Овчинников дрался в «транжементе», «докудова все заряды не выстрелял», а потом, «падши на коней, пробился прямо сквозь каманду Голицына». Гренадеры и гусары князя уложили в Татищевой крепости полторы тысячи бунтовщиков, и почти две тысячи попали в плен ранеными.

А Бёрды раздирали паникой. Здесь Пугачёв оставил атаманом Максима Шигаева, но Шигаев заметался и не смог усмирить буйную толпу в двадцать тысяч человек. Пугачёв приказал вылить на улицу всё вино, швырнуть в толпу деньги казны и распустить всех с богом – но переколоть тех, кто побежит в Оренбург.

С двумя тысячами конных казаков Пугачёв рванул в Илецкий городок по тылам князя Голицына. Но в этих тылах Переволоцкая крепость разослала по дорогам аванпосты егерей, и Пугачёв не решился на схватку.

Он отступил в Каргалу. Гостеприимный Муса уже исчез, успев сдать врагам атамана Хлопушу. Порубив местных татар, Пугачёв оставил в слободе заслон и отступил ещё дальше – к Сакмарскому городку. На середине дороги от слободы к городку, у мельницы на речке Каргалке, Пугачёв приказал занять оборону. Здесь мятежники наморозили валы из речного льда и зарядили последние пушки.

Голицын снял заслон в Каргале и ударил по рубежу у мельницы. Ядра покрошили ледяные валы. В атаку ринулись гусары. Бунтовщики не выдержали. Восемь вёрст Сакмарской дороги гусары на всём скаку рубились с казаками и вместе вкатились в Сакмарский городок. По кровавым следам, хрипя, бежали батальоны. Солдаты похватили выбитых из сёдел атамана Подурова, поэта Ванюшку, старика Дубовского, судьёю Витошнова. От товарищей оттеснили Максима Шигаева, он бросился в Илецк и по пути угодил в плен.

За победу над бунтом Голицын заплатит жизнью. Его, победителя, на балу представят Екатерине. «Как он хорош! Настоящая куколка!» – лукаво скажет государыня о молодом князе. В мужчинах Екатерина разбиралась не хуже, чем Пугачёв – в лошадях. Тёмная туча найдёт на чело Григория Потёмкина, фаворита государыни. И вскоре родственник Потёмкина вызовет князя Петра Голицына на дуэль и сразит ударом шпаги.

Пугачёв сумел вырваться из бойни в Сакмарском городке. Он укрылся в деревне Ташла под заснеженным хребтом Накас. С ним было всего пять сотен казаков. А

Оренбург праздновал освобождение после шестимесячной осады. За «славное и неуязвимое знамение верности» государыня на два года освободила город от налогов, а губернатор Рейнсдорп был награждён орденом Александра Невского. Иван Рейнсдорп и дальше останется губернатором и на своём посту умрёт в Оренбурге в 1781 году.

Сила слова

Генерал Деколонг вёл из Тобольска сибирские войска освобождать Оренбург, но на пути от Тобола к Яику застрял в Челябине. Пугачёвский полковник Иван Грязнов пропустил отряд Деколонга в ворота крепости – и обложил крепость осадой.

Главным трибуном полковника Грязнова был Григорий Туманов, мелкий служащий Воскресенского завода. Громовые послания Туманова на башкирских стрелах перелетали через стены крепости. «Думайте, что Челябинск славной по России город – отстоица? Не думайте, предел от бога положен!» – предупреждал Туманов защитников Челябины по-русски и на языке тюрки.

Генерал Деколонг не выдержал угроз канцеляриста. Сибирское войско зарядило мушкеты и двинулось на Грязнова, который стоял в деревне Першиной. 20 пушек мятежников злобно облаяли генерала, но солдаты в ярости раскатали Першину по брёвнышку. Генерал Деколонг вроде бы победил, но понял, что на самом деле проиграл: через такие свирепые деревни ему ни за что не пробиться в Оренбург.

А с севера генерала на помощь призывал погибающий Екатеринбург. Генерал поколебался, выбирая между Оренбургом и Екатеринбургом, и отправил на север две роты. Ослабив свой гарнизон, Деколонг уже не смог бы удержать Челябину: спасение Екатеринбурга стоило Деколонгу, который шёл спасать Оренбург, генеральской чести.

8 февраля башенные ворота Челябины раскрылись. Под барабанный марш, распустив знамёна, из крепости угрюмой колонной вышло войско Деколонга с ружьями наперевес и пушками наготове. Генерал решил отступить назад в Сибирь. Вслед за солдатами, нервно сжимая сабли, нестройно шагали 464 жителя Челябины: купцы и чиновники. Повстанцы молча пропустили эту колонну и кинулись в оставленную крепость. Челябина оказалась главной победой бунта –

единственным крупным административным центром, который мятежники сумели взять.

Вскоре Пугачёв призвал Ивана Грязнова к себе, и, уходя, командиром Челябины Грязнов назначил Григория Туманова – не вояку, а писаря и переводчика.

Туманов оказался силён не только словом, но и делом. Он знал языки и умел убеждать: под его рукой башкиры и русские не ссорились, а воевали сообща.

В начале мокрого апреля с горных заводов на Челябину двинулась команда секунд-майора Дмитрия Гагриня. Туманов направил отряды на перехват майора. На войско Гагриня обрушились летучие всадники – башкиры и казаки. Нападения следовали через каждые 10–15 вёрст. Гагрин выстраивал свою команду в каре и отбивался огнём. Но всё равно он увязал в атаках бунтовщиков сильнее, чем в подтаивающих колеях большака.

9 апреля у деревни Разлепихи грянула битва за Челябину. Пушки повстанцев картечью истребили эскадрон гусар. Гагрин еле прорвался в деревню. А наутро её заблокировало войско Туманова. В атаку понеслись две тысячи конных башкир. С холма 20 пушек били по каре секунд-майора прямой наводкой. Гагрин указал саблей на батарею врага, и егеря по снежному склону полезли в штыковую. Переколов канониров, егеря повернули пушки и ударили по мятежникам. Войско Туманова рассыпалось. По трупам бунтовщиков солдаты прорвалась на околицу Челябины. Туманов приказал оставить крепость и уходить.

Першино и Разлепиха, яростные деревни, сейчас уже поглощены гигантским Челябинском. Лощины стали улицами города, и по ним едут троллейбусы, а на полях и холмах громоздятся жилые комплексы и заводы. Новая индустриальная Челябинка тяжеломерно надстраивает кряжистый классицизм плоскостями хай-тека. Но в старом казачьем бору посреди мегаполиса по-прежнему щебечут птицы, а река Миасс отражает угловатую глыбу музея, возведённого по образцу крепости – в память о бывшей Челябине.

Кувандыкские горы похожи на марсианский ландшафт... Только в пейзаже подлинного места события можно ощутить, насколько реальная история ярче и причудливее тех выхолощенных картин, что составляют содержание учебников

Своих уцелевших бойцов Туманов привёл к Пугачёву, а сам через месяц угодил в плен. Летом казачий конвой повёз Туманова на суд и казнь в Оренбург. Дорога вела вдоль Яика. За Орской крепостью из марсианских лабиринтов Кувандыкских гор вылетели конные казахи и порубили конвой. Казахи не забыли толмача, который переводил им манифесты самозванца, и сделали для Григория то, чего не сделали для Емельяна: спасли толмача, а не Пугача. След коня Григория Туманова затерялся в балках Айтуарской степи вольного Казахстана.

Вся королевская рать

9 апреля 1774 года на Авзяно-Петровском заводе, лёжа в постели, Емельян Пугачёв встретил очередную свою любовницу-«невесту», и не последнюю. В этот же день в Бугульме генерал-аншеф Александр Бибииков, считавший, что Пугачёву конец, лёжа в постели, встретил свою смерть.

Три с половиной месяца назад боевой генерал Бибииков был назначен главнокомандующим всех войск, собранных против Пугачёва. Бибиикову было 44 года. Императрица не побоялась вручить ему целую армию: артиллерийские команды и 11 пехотных, гренадерских, гусарских и казачьих полков. С такой силой можно было совершить государственный переворот и свергнуть саму Екатерину.

В декабре 1773 года Бибииков прибыл в Казань принимать полки и собирать ополчение. Бравый генерал решил, что победы Пугачёва объясняются трусостью его противников. «Скареды и срамцы здешние гарнизоны, сидят, как сурки, только рапорты страшные присылают», – гремел Бибииков в донесениях из Казани.

Генералу легко было метать молнии. Он привёз сундуки денег, чтобы платить ополченцам зарплату. Дворяне, почуяв доход, кинулись записываться в войско и толпами гнали своих крестьян в рекруты. Сама государыня, желая вдохновить подданных, объявила себя казанской помещицей и тоже выставила ополченцев.

Через полгода Пугачёв в клочья разметает всю эту дворянскую кодлу, но пока воинские команды «зачистили» Поволжье. В одну из команд вступил офицер Гаврила Державин. Ему было 29 лет. Родился он в Казани, а потому счёл своим

долгом повоевать с мятежниками. Ко времени бунта офицер Державин уже был автором пары напечатанных стихов, а спустя годы он станет великим поэтом-классицистом и восхитится дарованием юного лицеиста Саши Пушкина.

Изучая молодость мэтра, Пушкин узнает, что Державин быстро понял, в чём же причина бунта. Державин написал казанскому губернатору смелое письмо: это вы, сударь, виноваты в мятеже, а не мужики. Но и мужиков Державин не щадил: разгонял саблей, карал кнутом, а порою и вешал «из поэтического любопытства». Переход от державинского любопытства к пушкинскому состраданию – путь сквозь буран, из которого русская литература вышла великой.

Бибиков скоординировал действия полков и направления ударов. Военские команды пошагали на Самару, Кунгур, Уфу и Челябину. Главные силы Голицына двинулись на Оренбург. Свой штаб Бибиков перенёс в большую татарскую слободу Бугульму, где сходились дороги из Оренбурга, Уфы и Казани. Здесь генерал Бибиков и подцепил холеру.

Мятежников разбили повсюду. В сырой постели Бибиков сгорал от болезни, но был уверен, что главное дело он сделал. И он ошибался. В одном из писем он написал: «Пугачёв – чучела, которою воры яицкие казаки играют». А Пугачёв не был «чучелой». И даже холеру Бибикова народ истолковал в пользу Пугачёва: генерал признал в нём истинного царя Петра и с горя выпил яд «ис пуговицы».

Бибиков не понял характер пугачёвщины. Он думал, что бунт – перемещение массы народного гнева. А пугачёвщина по природе была близка к волне: перенос движения без переноса массы. Гнев имелся всюду, его не стоило переносить. Не хватало импульса. Им оказалась идея Пугачёва о новой России на казачий лад.

По приказу Бибикова князь Голицын освободил энергию Пугачёва от вязкой материи яицкого казачества. Пугачёв больше не станет играть в казачьего вожака, как на Яике. Он начнёт всё решать сам, как хан своего улуса. Но для улуса он сохранит казачьи порядки: выборность атаманов на круге и станичные избы в мятежных селениях. Импульс Пугачёва, очищенный и отточенный Голицыным, вонзится в новую материю, и пугачёвщина забушует яростнее прежнего.

На Яике импульс Пугачёва породил казачий бунт. Яицкие казаки бились против оренбургских. Голицын утихомирил здесь стихию – «уложил воду ровно». Но волна-то уже укатилась дальше: на Урале крестьяне выходили биться против рабочих, башкиры выходили биться против государства.

После смерти Бибикова гасить бунт государыня назначила генерала Фёдора Щербатова. Генерал закончит позором, отставкой и опалой. «Вся королевская рать» так и не сможет поймать волну.

Емельян и Мартемьян

Пугачёв уходил с Яика, но он ещё вернётся сюда – пленный. Из Яицкого городка в Москву Пугачёва будет сопровождать конвой старшины Мартемьяна Бородина. Потом, уже в Петербурге, Бородин удостоится высочайшей аудиенции, и его назначат атаманом Яицкого войска. И сразу после этого Бородин умрёт. Внезапная кончина атамана, да ещё в далёкой столице, породит жуткое предание о проклятии Пугачёва.

Будто бы в Яицком городке во дворе тюрьмы конвой Бородина перед долгой дорогой выпивал «на посошок», а рядом на телеге стояла клетка, в которой сидел Пугачёв. Пугачёв попросил налить чарку и ему. Бородин отказал. И тогда Пугачёв напорошил: не увидать ему, Мартемьяну, смерти Емельяна; всё будет наоборот.

Яицкие казаки уважали Бородина. А он отрёкся от товарищей, переметнулся к «регулярщикам» и в бунт командовал обороной Оренбурга на самом опасном участке. Пугачёв призывал Бородина уйти от Рейнсдорпа, но Бородин не ушёл.

И вот в Зимнем дворце, уже после казни Пугачёва, государыня ласково расспрашивала Мартемьяна про бунт. Бородин рассказывал. И вдруг из-за трона, давясь от смеха, выбежал живой Пугачёв в красной рубахе. «Дак я ж и вправду ейный муж! – сказал он, утирая слёзы. – Дурак ты, Мартемьян!» Тут Бородин и грянулся на паркет с разрывом сердца.

Какая логика у этого странного предания? Логика такая. На Яике самозванец был нужен для того, чтобы яицкие казаки решили свою проблему с «регулярством». Если бы у казаков Яика была подлинная элита, выражающая их интересы, она бы решила вопрос мирно, в переговорах. Но элита предала яицкое казачество, как предал его Бородин, и вместо элиты появился «набеглый царь». Емельян заменил Мартемьяна.

Россия состоит из разных миров – столичного и провинциальных. Россия – супружество столицы-«царицы» и провинции-«царя». Если у провинции нет настоящей своей элиты, подлинного «царя», значит, «царица» замужем за самозванцем. И этот мезальянс всегда кровавый.

На яицкий бунт столица ответила не исправлением ошибки, а репрессией: ударом по идентичности. Вековое название «Яик» было велено забыть, а реку отныне именовать Урал. Яицкий городок стал городом Уральском. Идентичность сопротивлялась асимметрично: казаки шли под кнут, но не соглашались называть Пугачёва «казачишкой». Ладно, пускай вор и разбойник, но всё равно «казак»!

Яику была нужна своя элита – такая, как академик Рычков. И государство начало её создавать. В 1824 году в Оренбурге открыли казачье училище, которое потом преобразовали в кадетский корпус. Его назвали в честь губернатора Ивана Неплюева. Здесь готовили казачьих офицеров для Великой Степи – именно для неё. «Неплюевцы» и стали элитой, которая в империи мирно оберегала казачью идентичность Яика.

Выпускником и преподавателем неплюевского кадетского корпуса был Александр Дутов, последний Верховный казачий атаман России. Человек чести, в Гражданскую войну он спас Оренбург от большевицкого разгрома – отказался вести уличные бои, когда на город надвигались красные бронепоезда, и увёл свою армию в Верхнеуральск. А там атамана Дутова предали новые Мартемьяны. Дутов с верными полками отступил в Китай и унёс с собой казачью святыню – икону Богородицы Табынской.

В 1921 году в китайском городке Суйдун атамана застрелил басмач, завербованный ЧК. Чтобы доказать чекистам свой подвиг, убийца, подождав несколько дней, ночью разрыл могилу Дутова и отрезал мёртвому атаману голову. Убитый, а потом обезглавленный Дутов неудержимо рифмуется с Пугачёвым, обезглавленным, а потом живым.

Тёплые южные реки России, и Яик в их числе, были казачьей державой. Казаки – носители идентичности этого региона. Советская власть «рассказачила» их – лишила огромную провинцию самой себя. Без казаков даже пушкинский гений не смог удержать местную идентичность. Забыв о «Капитанской дочке», которая навсегда закрепила название «Оренбург», с 1938 по 1957 годы город назывался Чкаловым, хотя великий лётчик не только никогда здесь не жил и не бывал, но и в здешнем небе не пролетал.

Над багровыми ярами Яика давно уже отгремели канонады бунта, но, как и в старину, в России попрание идентичности чревато бедой.

Часть вторая. «...Всякими вольностями...». Крестьяне против рабочих

Арабской вязью

Тюрки, дети Великой Степи, не испугались Великого Леса.

Больше тысячелетия назад из южных степей они двинулись на север, в тайгу Сибири. В XI веке на реке Ишим появилось первое сибирское государство тюрков – Ишимское ханство. Его подданных впервые называли сибирскими татарами.

Ишим – приток гигантского Иртыша, который берёт начало на Монгольском Алтае. В своём движении на запад монголы не миновали Иртыш. На его берегах белели ханские юрты великого Джучи. При Джучи Ишимское ханство разрослось до Тюменского, столицей его был город Чинги-Тура на месте нынешней Тюмени. Когда же удар Тимура на куски развалил Золотую Орду – бывший улус Джучи, Тюменское ханство отползло к северу и превратилось в Сибирское ханство со столицей в городке Искер.

При Тимуре сюда, в дикие леса Иртыша, обращать татар лицом к Мекке пришёл проповедник Багауддин, а с ним 366 бухарских шейхов и войско. Татары дрались с яростью язычников. Триста шейхов легло в могильные ямы под священные

шестигранные срубы-астаны, однако в 1395 году Сибирское ханство стало мусульманским.

Азиатские походы Тимура оборвали караванные нитки Великого Шёлкового пути. А шелка Китая были мировой валютой наравне с золотом и пряностями. Чем же тогда Азии торговать с Европой? И шелкам подобрали замену: меха Сибири. В один миг всеми подзабытое Сибирское ханство превратилось в пушной Кувейт эпохи Возрождения.

На ханскую кошму Сибири тотчас отыскивались претенденты: Москва и Бухара. Бухара оказалась проворней. Из Арка, бухарской цитадели, гремя копытами по кирпичам пандуса, выехало конное войско. Его вёл решительный хан Кучум, прямой наследник Чингисхана, до этого тихо живший при бухарском хане Абдаллахе II. Бухарцы Кучума пролетели через пустыни и степи и прорубились сквозь тайгу. На берегу Иртыша они разметали батыров сибирского владыки Едигера. Бухарский чингизид Кучум в городке Искер сел на белый войлок Сибирского ханства, а пушной трафик из Сибири потёк в Бухару. Вот так вышло, что предыстория горных заводов Урала была написана арабской вязью.

Но Руси пушнина была нужна позарез. На русских землях не было ни единого месторождения золота. Всё золото, что лежало в сундуках царя и бояр, привозили из иных государств в обмен на пушнину. А без золота экономика державы умирала. Хитрый царь Иван Грозный задумал отбить Сибирь у татар. Скучной русской казны на войну изначально не хватало. И Грозный поступил с византийским лукавством. Он принялся дарить восточные земли Руси новгородским солепромышленникам Строгановым.

За двадцать лет на реке Каме у Строгановых выросла целая империя с крепостями, монастырями, солеварнями и крепостным людом: первый промышленный холдинг в истории России. Однако Грозный ещё и превратил вотчины Строгановых в подобие Ост-Индских компаний, до которых Европа додумалась только через сорок лет. Царь даровал купцам право изготавливать порох, держать войско, крестить инородцев и захватывать чужие земли. Наконец, в 1574 году Грозный «подарил» Строгановым Сибирь. Это была провокация на войну.

Царь не зря откармливал купцов. Война разразилась, когда Кучум попытался разрушить строгановские форпосты. Строгановы развязали кошель, а звон золота приманил ватаги казаков с Волги и Яика. Это было в 1579 году. Одну из

ватаг привёл атаман Ермак. Он стал лидером разбойной дружины, которая получила от Строгановых вполне разбойный заказ: разгромить Кучума, конкурента Строгановых. И грянула великая эпопея «Сибирского взятия».

Восемь сотен казаков Ермака от Камы перевалили Уральский хребет и прорвались к Иртышу, а здесь разбили и прогнали войско Кучума, взяли его столицу, городок Искер. Три года казаки держали Искер, осаждённый Кучумом, отбивали штурмы, бросались в контратаки, ходили в походы, принимали присягу лесных народов – и гибли, гибли, гибли. Но Сибирь сделалась русской.

Чтобы взять её, Ермак получил деньги купцов, но отдал Сибирь не купцам, а царю, а потом защищал, сколько было сил. Вольный казак, он отказался от воли ради своего дела. Это на века определило главную ценность уральских рабочих: своё дело. Ермак станет образцом, идеалом, атлантом горнозаводского Урала.

Уральские атланты

До ухода к Строгановым Ермак обретался на Яике. В те годы казаки ещё не разгромили город Сарайчик. Разгром Сарайчика атаманами Нечаем и Мещеряком и разгром Искера атаманом Ермаком – звенья одной цепи. Поэтому яицкие казаки, наследники Нечая и Мещеряка, одновременно уважали и осуждали Ермака: отдав Сибирь царю, он предал казачью вольницу. Усомнившись в «казачестве» Ермака, на Яике считали, что Сибирь Ермак взял не сам, а с помощью чертей. Черти, как известно, охотно превращаются в свист или в бочки, чертей легко возить с собой. Вот в бою против сибирских татар Ермак и выставлял не казаков, а бесов.

Зато на Урале в память о Ермаке накатывали часовни из кондовых брёвен. Отказ Ермака от свободы выразил суть уральских рабочих: жертвовать всем ради своего дела. Разница в оценке поступка Ермака отразила разницу между казаками с их ценностью справедливости и рабочими с их ценностью дела.

На горнозаводском Урале существовал культ труда, работы, своего дела. На неплодородной земле труд был единственным способом выжить и потому для

Урала стал «нашим всем»: наказанием, наградой, привычкой, развлечением, смыслом жизни. Ценность труда фиксировали главные герои Урала – Ермак и Симеон Верхотурский

Ермак проторил путь через Урал в Сибирь. Тотчас по этому пути побрели измордованные Смутой крестьяне, что искали хлебные земли без жадных бояр. Потом пошагали отряды стрельцов с воеводами, заскрипели обозы монахов. Урал и Зауралье потихоньку усеялись слободами, острогами и монастырями. Из чащоб на пришельцев смотрели куницы, лисы и соболи.

С татарами Сибири русские переселенцы начали осторожный торг, и не было предела их изумлению: за простой железный котёл татары давали столько пушнины, сколько её в этот котёл и влезало! И тогда русские повсюду принялись рвать кайлами жилистые бока уральских увалов – искали железную руду. При слободах, острогах и монастырях задымили маленькие заводики: рудная яма, глинобитные горны и кузница. Русские ковали котлы, серпы, ножи, подковы – и меняли на меха. Так пушной торг с сибирскими татарами открыл Руси железные потроха Урала. Не зря потом герб Строгановых украсит соболь, а клеймом «старый соболь» своё железо будут метить Демидовы.

С середины XVII века на лесной Урал и в степное Зауралье хлынул поток гонимых раскольников. Они шли, охваченные дивными и грозными мечтами о Беловодье, о городе Веденец, о праведном царстве Опоньском, о блаженных островах Макарийских. Многие беглецы оставались на Урале.

Но видения прекрасного мира порой становились страшной явью. Если стрелецкие отряды находили селения раскольников, жители, не желая сдаваться властям, запирались в храмах и поджигали их изнутри. Это называлось «гарь». В ней принимали «огненную купель», после которой очищенные пламенем души погибших воскресали в многоцветных небесных вертоградах. Первая и самая страшная «гарь» задымила под Ялуторовской слободой в 1679 году, когда в райские кущи вознеслось сразу 1700 человек. Подобных массовых самосожжений на Урале было много. И даже во времена Пугачёва в казематах Тобольского кремля ещё догнивали ересиархи, старцы-расколоучители, изловленные солдатами с огневищами в руках.

В дремучих урманях Урала раскольники выжили только благодаря каторжной работе. Ни бог и ни царь не спасли бы пришельцев в снежной непролазной

тайге, на неплодородных берегах студёных рек – только неистовая, пожирающая душу работа. И раскольники сделали труд смыслом жизни, культом, мерой всех вещей.

В те же годы близ города Верхотурья жил мужик Семён, портной на отхожем промысле. Но странный портной: он не брал плату за свою работу. Он ходил по земле туда-сюда и как-то незаметно помер, а спустя годы из земли всплыл его гроб с нетленными мощами. Так был явлен святой Симеон Верхотурский. Он не совершал миссионерских или молитвенных подвигов, он явил чистый и ясный идеал труда. И потому стал главным святым горнозаводского Урала. Святой Симеон и былинный витязь Ермак – два атланта, которые держали небо Урала.

«Дело» Ермака, «работа» раскольников, «труд» Симеона – три названия одной и той же ценности, которая для рабочих была превыше всего. Когда пугачёвские казаки покусятся на эту ценность горнозаводских рабочих, казачий бунт превратится в гражданскую войну.

«Злодейское литьё»

Мужицкие заводики при слободах могли обеспечить крестьян котлами и гвоздями, серпами и топорами, но никак не смогли бы обеспечить державу пушками и ружьями. Для этого требовались большие горные заводы.

В ту эпоху мощные силовые агрегаты работали на водобойных колёсах. Людской натуги или конной тяги не хватало, чтобы качать огромные меха печей или поднимать тяжёлые хвостовые молоты. Неизбежно приходилось сооружать пруд и строить завод под его плотиной, где на водосбросах вращались колёса, приводившие в движение заводские механизмы.

Пруд должен был сохранять воду на год заводской работы, под него подыскивали уёмистую долину реки. Плотины возводили между гористых береговых склонов. А ещё для завода требовался лес, потому что доменные печи работали на древесном угле. Разумеется, требовались рудники. В центральной России сложно было найти зону, которая удовлетворила бы всем требованиям водобойной промышленности. Либо руда бедная, либо пруд мелкий, либо леса редкие. Пётр I пробовал строить заводы вокруг Тулы – они получались

слабосильные. Пробовал в Карелии – иссякала руда. И взор государя обратился на Урал, где слободские мужики уже развели сотни рудных ям, а лесов, рек и гор было вдоволь.

Пётр собирался воевать со Швецией, ему нужна была артиллерия. И в самом конце XVII века царские дьяки и мастера заложили на Урале два первых настоящих больших завода. Один из них – Невьянский – встал на месте мужицкого заводика Невьянской слободы, а другой – Каменский – встал на месте заводика Далматовского монастыря. Пушки – вот главная продукция Урала.

Невьянский завод долго не мог встать на крыло, а Каменский оперялся быстро. В это время на хмурых ветрах Балтики Пётр осаждал шведскую крепость Нарва. Но к крепости ринулся король Карл XII. Бывалые шведские вояки так ударили по новобранцам Петра, что русские полки раскатились по ижорским болотам. Зимний дождик капал на стволы брошенных пушек. Под низкими бастионами Нарвы лежала вся артиллерия России за двести лет.

Пётр в бешенстве выпучил глаза. На Каменском заводе доменные печи раздули кирпичные груды. И завод всего за один год выпек императору новую артиллерию. Ещё через год каменные пушки с рёвом прогрызли нарвский бастион Хонор, и русские гренадеры ворвались в крепость Нарву.

Взятие Нарвы – триумф русского оружия, а русское оружие – это Каменский завод. И вместо победного салюта на Урале загрохотали копры, вколачивая сваи новых плотин. Каменск оправдал промышленное будущее Урала. В XVIII веке заводы строились один за другим: каждые два года по три новых предприятия. Через 70 лет, ко времени пугачёвщины, на Урале дымила сотня горных заводов. С тех пор и доныне Урал – самая индустриализованная зона планеты Земля.

В бунт на Каменский завод въедет конница пугачёвского атамана Чира. Самозванцу Петру Фёдоровичу, как императору Петру Алексеичу, тоже будут нужны пушки, чтобы штурмовать крепость, только теперь – каменную твердыню Далматовского монастыря. Мятежники примутся раздувать остывшие домны остановленного Каменска.

Не единожды на разных захваченных заводах пугачёвцы пытались изготовить себе пушки. Иногда у них получалось, и эти орудия власть потом называла «злодейским литьём». Впрочем, пушка – машина смерти, и «злодейским литьём»

можно назвать всю продукцию заводов Урала.

Но чаще вместо пушек у мятежников выходили какие-то косые чугунные дубины. Почему? Ведь на заводах работали мастера уже третьего поколения. Дело в том, что в пугачёвщину опытные литейщики с опалёнными бородами угрюмо отсиживались по своим избам, а на месте профессионалов у доменных печей самоуверенно орудовали восставшие крестьяне. Рабочие не приняли Пугача.

Иго работы

Строителями заводов были бессловесные рекруты и каторжники. Часто власти направляли на стройки изловленных раскольников. Потом многие староверы оставались при доменных печах и превращались в мастеровых. Так на горные заводы пробирался раскольничий культ работы.

Но мастеровых было немного. Жили они вполне сносно, не грызли от голода деревянные ложки: начальство ценило профессионалов. Однако заводам требовалась уйма внезаводской работы: ломать руду, рубить лес, выжигать уголь, возить грузы. Кто будет этим заниматься? Квалифицированные рабочие? Нецелесообразно. Значит, крестьяне.

С самого рождения горных заводов на Урале появилась система «приписки». К каждому заводу начальство приписывало несколько десятков деревень, жители которых вместо барщины должны были отработать для завода определённое количество дней. То есть, пахарь бросал поле, чтобы полгода махать топором на лесосеке или кайлом в руднике. Свои тощие пашни Уралу были не нужны.

Заводы XVIII века решали проблемы за счёт крестьян, как индустриализация XX века решала проблемы за счёт коллективизации села. И на горнозаводском рабочем Урале острее всего стоял «крестьянский вопрос». Кто будет сеять и жать? Откуда взяться урожаю, если хозяина угнали на завод? И что хозяин будет есть, когда вернётся в свою избу к пустым сусекам? Из-за приписки деревня начинала люто ненавидеть завод.

Первый же опыт приписки дал первый же крестьянский бунт. В 1703 году в городе Кунгур воевода послал местных крестьян копать руду на речку Бым. Мужики похватили вилы, оседлали лошадей с копытами, расшлёпанными в бороздах, и по дремучим травам июля помчались на город. Бревенчатый кремль Кунгура поспешно затворил ворота. Из башен по смутьянам ударили пищали. Но мужики не отступили, поклявшись всех приказных «убить до смерти». Две недели Кунгур стоял в осаде. Сотник пытался вывести городских казаков на схватку в поле, но лапотники дрались как черти. Крестьянин Ершов косою подсёк ноги двух казачьих коней, зарезал одного казака, поранил другого – и упал под ударом сабли. Казаки убежали обратно в кремль и сидели там, пока из Верхотурья гонец не привёз в Кунгур бумагу, которая отменила все крестьянские работы для заводов.

Но такое было исключением. Власть подготовилась основательнее и наглухо загнала крестьян в ярмо приписки. Десятки тысяч уральских мужиков оказались в рабстве у доменных печей и заводских управителей.

Власть понимала, что миром всё это не кончится. В 1762 году император Пётр III манифестом отменил приписку. А государыня Екатерина отменила Петра III, и приписка вернулась в прежнем виде. Однако крестьяне запомнили доброго царя. Бумагу с манифестом мужики прятали в красном углу за иконами. Когда появится Пугачёв, воскресший Пётр Фёдорович, крестьяне поднимутся ему на подмогу.

Для рабочих труд являлся эквивалентом качества жизни. Если втрое больше наломать руды, то металла выплавить в три раза больше и получишь тройной заработок. А для крестьян труд был традицией, и увеличение труда не имело смысла. Можно трижды вспахать поле, но с него не снять три урожая.

В пугачёвщину на горных заводах бунтовали многие, но сжигали заводы не местные рабочие, а приписные крестьяне. Рабочий не желал разорения своему заводу, как крестьянин не желает гибели своему коню. И кое-где мастеровые выходили на защиту заводов.

Приписные крестьяне были земледельцами, и они вняли призыву земледельцев-казаков. Пугачёвский передел России на казачий лад был ясен и прекрасен для тех, кто кормится от земли. Григорий Туманов, пугачёвский трибун, в

Челябинске гремел крестьянским глаголом: «Господь наш Иисус Христос соизволяет своим промыслом избавить от ига работы!» «Иго работы» – это не святое земледелие, а работа для заводов. Приписка.

Мятежный кунгурский июль 1703 года – только начало бешеной столетней борьбы крестьян за право быть крестьянами, за свою идентичность.

Пугачёвщина превратила эту борьбу в гражданскую войну. Но крестьянский обух не перешиб ствол заводского молота. «Иго работы» царь снял с мужика только в 1804 году.

Две машины

Нельзя на одном и том же поле одновременно сеять хлеб и копать руду. Царь Пётр это понимал. Чтобы провести индустриализацию в крестьянской империи, ему, императору, надо отгородить заводы, которые он ещё строит, от государства, которое он перестраивает.

Ко времени формирования Сената и коллегий на Урале было около двух десятков горных заводов, казённых и частных, и все они работали вразнобой. Хозяева собачились между собой и с властями, воеводы совали палки в колёса, вымогая мзду, крестьяне грозили дубьём. Не хватало то одного, то другого. Что делать?

Вопросами промышленности ведала Берг-коллегия, одна из знаменитых двенадцати. Для этой коллегии, то есть для заводов и рудников, в 1719 году были составлены два основополагающих документа: Берг-регламент, то есть правила существования промышленности, и Берг-привилегия – список законов, которые можно и должно нарушать, чтобы процветали заводы.

Заводы были выведены из-под власти воевод и приказных, губернаторов и чиновников. Заводы составили особое, собственное государство в государстве, которое отчасти подчинялось Берг-коллегии, а в целом – только Сенату и государю. В общем, для развития дела Пётр поступил с заводами так же, как Иван Грозный со Строгановыми.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/aleksey-ivanov/vily>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)